

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АРТЕМ БУК

РЕВОЛЮЦИЯ КРОВИ

Annotation

Убить троих из мести – не проблема. Ведь ты работаешь на правительство и знаешь, как уйти от закона. Но что делать, если после этого сам становишься мишенью? Что делать, если даже сильные мира сего один за другим гибнут, когда пытаются помочь тебе? Кто твой враг? Инопланетяне? Таинственные логи, ведущие тысячелетнюю войну? Преступные кланы? Правительство? Кто твои настоящие друзья? Кто ты сам и как далеко готов зайти, чтобы получить ответы? Мир XXV века кажется тихим и умиротворенным его обитателям. Но это лишь иллюзия: ты узнаешь тайну происхождения человечества, и это изменит всё. Грядет революция крови.

Артем Бук

Революция крови

© Артем Бук, 2017

© Художественное оформление, «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

* * *

Я стоял перед той же дверью. Снова. Сны – забавная штука. Они подбирают детали прошлого, перемешивают их с твоими страхами и надеждами, а иногда заставляют раз за разом переживать то, о чем предпочел бы забыть. Сегодня светило солнце, и было почти нестерпимо жарко. Глаза заливал едкий пот, и я уже который раз вытирал о штаны мокрые трясущиеся руки. Бывало, шел проливной дождь, а однажды я попал в метель, которую не видел с детства. Одежда вот оставалась неизменной. Как и дрожь в руках от того, что предстояло сделать.

– Агент Старгарт, доступ. – Я боялся, что система не распознает охрипший голос, но тяжелая панель не спеша отползла в сторону. – Стоп.

Выполняя команду, дверь замерла, перекрыв видимость камерам, направленным на склад. Внутри их не будет. Нужно войти. Сейчас же. Ожидание не принесет ничего, кроме нарастающей паники.

Огромное помещение пустовало. Трое стояли в сотне метров от входа. Я не видел оружия, но не сомневался, что оно скрыто где-то под одинаковыми синими куртками. Не важно, какое именно, – каждый из них способен попасть в зверька размером с белку с полусотни метров. Тесты на взросление в других мирах иногда бывают забавными.

Грубые лица ничего не выражали – им платили за работу, и она только что сама вошла в дверь. Незачем спешить, рискуя промахнуться. Они ничего не предприняли и тогда, когда я пересек границу прицельной стрельбы, приближаясь к ним прогулочным шагом случайно оказавшегося по соседству зеваки.

– Назовите себя и объясните, что здесь делаете. – Я еще ни разу не смог произнести этой фразы с нейтрально-ленивой интонацией, как собирался. Ни тогда, ни сейчас. Срывающийся голос, усиленный коммуникатором, гулко разнесся по пустому помещению. Они молчали, не имея причин торопиться – я сам шел к ним, а они привыкли делать свою работу основательно.

Сто метров. Семьдесят пять. Пятьдесят. Коммуникатор, отсчитывающий расстояние, теперь без остановки услужливо верещал в ухе: «Опасно. Вы в зоне поражения. Опасно...»

Я понял, что не смогу. Я не мог идти дальше. Вязкий ужас свел мышцы живота, руки и ноги ослабли и стали ватными, паника сперла дыхание. Но нужно сделать все правильно.

– Сигнал, – просипел ставший незнакомым голос, и озорно поблескивающая на груди бляха со встроенным динамиком начала воспроизводить стандартную запись: «Немедленно...»

Они не стали ждать, пока компьютер прикажет им встать на колени и заложить руки за голову...

– Вы можете пройти. – Девушка в элегантном нежно-голубом комбинезоне неуверенно улыбнулась.

Наверное, мое лицо не выражало большой радости, поскольку прошло уже почти два часа с момента, когда она попросила меня подождать в приемной. Не иначе дело не было столь уж срочным, как говорилось в приглашении, переданном мне охранником на выходе из изолятора. Но на планете существовали организации, письма из которых с требованиями вроде «Вам надлежит незамедлительно прибыть» игнорировать не стоило. Тем более напечатанные на бумаге и врученные в заклеенном конверте. Высший класс.

Понятия не имею, зачем им потребовалось столь огромное помещение. Окно зала занимало все пространство от пола до потолка, а длинный стол из красного дерева зачем-то поставили лишь в паре метров от края – так, что любой сидевший за ним мог созерцать двухсотметровую бездну у своих ног.

Один из мужчин как раз предавался этому увлекательному занятию, повернувшись спиной к входу. Второй демонстративно пялился в расположенный над столом экран, периодически раздраженно тыкая в него пальцами. Видимо, у меня должно было создаться впечатление, что он проводит время за изучением сверхсекретного досье, содержащего сведения обо всех моих самых страшных тайнах, начиная с рождения. Впрочем, исходя из моего опыта участия в подобных процедурах, я бы скорее предположил, что он занят раскладыванием пасьянса.

Лишь последний из тройки не стал подчеркнуто игнорировать присутствие гостя и, сложив руки на объемистом животе, доброжелательно следил за моим приближением.

Преодолев добрые полсотни метров, я остановился перед столом и все же бросил взгляд в окно. Как всегда, увиденное заставило сердце подпрыгнуть, а кожу покрыться испариной. Черт. Я быстро отвел взгляд и сконцентрировался на табличках, представлявших каждого из присутствующих. Нанесенные золотой краской буквы местами потемнели, а кое-где полустерлись, что, вероятно, намекало на подлинность сложенных из них имен. Или на то, что этими именами достаточно часто пользовались. Но у меня не было оснований жаловаться – исходя из характера заведения, куда меня пригласили, сидевшие передо мной джентльмены вполне могли попросить именовать их X, Y и Z, так что любые человеческие имена стоило воспринимать как положительный знак.

Агентство стратегического развития было не просто мощнейшей разведслужбой, созданной за время существования человечества, или крупнейшим аналитическим центром в занятой людской расой части Вселенной. Некоторые полагали, что оно давно стало структурой куда более весомой, чем Всемирное правительство, которому формально подчинялось.

Весело и откровенно пялившийся на меня господин звался Эдвином Честерфилдом. Имя и цвет кожи, покрытой ровным африканским загаром, выдавали чистокровного европеоида. Слегка за шестьдесят лет и немногим за сто килограмм, среднего роста, с сделано добродушным лицом, украшенным усами и небольшой бородкой, мой новый знакомый явно любил ретроновшества, наверняка включая и стилизованный под старину стол, за которым восседал.

Во всяком случае, его коллег заподозрить в склонности к ретростилю было сложно.

Сидевший в центре высокий латинос, согласно табличке претендовавший на имя Мануэль Рамирес, с суровым непроницаемым лицом продолжал молотить пальцами по экрану, то ли в поисках подходящей карты, то ли решая в это время судьбу какого-нибудь маленького колониального мира.

Невысокий азиат, в этой комнате откликнувшийся на имя Пон Так, поняв, что я остановился, нехотя отвлекся от зрелища внизу башни и плавно развернул свое кресло ко мне. Взгляд его я расценил бы как скучающий. Не похоже, что беседа с посетителем входит в список его приоритетов на сегодня.

– Бойтесь? – Пон Так не стал тратить время на приветствие, лишь слегка дернув головой в сторону окна и бездонной пропасти за ним.

– Да. – У меня не было никакого желания развивать эту тему. Высотобоязнь отняла у меня немало очков на экзаменах, и я не сомневался, что сидевшие передо мной люди имели на сей счет исчерпывающую информацию.

– Мне кажется немного странным, что человек с подобной фобией так настойчиво стремится попасть в Оперативную службу. Подумать только – четыре попытки за четыре года. – Голос Рамиреса звучал неожиданно мягко на контрасте с его суровой внешностью.

Никто не предложил мне сесть, но кресло перед столом имелось, и я, не спрашивая разрешения, плюхнулся в него. Сиденье предсказуемо оказалось крайне неудобным – нехитрый инструмент допроса. Но я уже лишил себя возможности провести беседу стоя, так что роптать смысла не имело.

– Высотобоязнь поддается коррекции на базе Академии, – спокойно возразил я. – Иначе меня вообще не допустили бы к экзаменам, не так ли? Очевидно, АСР не склонно считать меня достойным занять место в его рядах – у вас каждый год полно прекрасных кандидатов.

– Да, хороших кандидатов очень много. – Пон Так энергично закивал и мягко продолжил: – Но ведь не всем из них случалось убивать кого-то, не так ли? А тем более троих.

– Это была самооборона. – Я уже считал все эти разговоры пройденным этапом, и фраза слетела с губ на автомате.

– Разумеется, разумеется, – охотно вступил в беседу Честерфилд. – Вас ведь так и не осудили, верно?

– Прекрасная вещь этот Кодекс законника. – Рамирес смахивал на ненавистника недосказанностей и явно следил за этой репутацией. – Практически полный иммунитет от любых неприятностей. Но вы могли сохранить должность, согласившись на пси-проверку. Почему же вы этого не сделали?

– Я сохранил работу. – Прозвучало это несколько более резко, чем я хотел бы. – И нахожусь в бессрочном оплачиваемом отпуске. С сохранением звания и привилегий.

Покопавшись в наружном кармане своего старомодного пиджака, Честерфилд извлек оттуда вполне современную сигару из натурального свайкса и, чиркнув – с ума сойти – бензиновой зажигалкой, с удовольствием пустил струю дыма в потолок. Я решил, что мизансцена призвана продемонстрировать неформальный характер встречи и установить доверительную атмосферу. Хотя бы потому, что импорт свайкса на Землю строго запрещен и владение даже одной сигарой сулило до трех месяцев тюрьмы и штраф, способный надолго отбить тягу к вредным привычкам. Конечно, старик куда больше расположил бы к себе, предложи он сигару и гостю. Но, в конце концов, она стоила не меньше полусотни юнов, и я простил ему некоторую невоспитанность.

– Мы, естественно, в курсе относительно данного обстоятельства, – с укоризной одернул меня Честерфилд, снова затянувшись. – Как и того, что работу вы сохранили только благодаря профсоюзу. На ваше счастье, его функционерам очень не нравится, когда законников выгоняют за действия, даже отдаленно напоминающие самооборону. Но ведь это не было самообороной, сынок?

По его сигналу Рамирес, периодически сверяясь с экраном, перешел к теме, очевидно собравшей присутствующих вместе:

– Двадцать четвертого июня сто пятидесятого года в Бангкоке при пожаре в своей квартире погибла гражданка Земли Даниэль Свенсон. Происшествие квалифицировано как убийство. Его видеозапись демонстрировалась на слушаниях по вашему делу. На ней видно, как четверо мужчин пытали мисс Свенсон на протяжении нескольких часов, после чего убили и уничтожили помещение термогранатой. Обвинитель в ходе разбирательства утверждал, что скрытая запись сделана вами, поскольку сложно предположить, что какой-то другой знакомый мисс Свенсон стал бы так грубо вмешиваться в ее личную жизнь. Он ведь не ошибался?

Я не собирался отвечать на вопросы, которые Рамирес явно считал риторическими. Ноги в страшно неудобном кресле начинали неметь, и я демонстративно сменил позу, вполне удачно, как мне показалось, изобразив скуку.

– Прекрасно, – кивнул Рамирес. – Итак, по версии обвинения, располагая тайно сделанной видеозаписью убийства, а также используя свои возможности как агента Службы контроля инопланетного присутствия, вы быстро установили личности подозреваемых. Трое черано прибыли на Землю в составе торговой миссии Анакалии за несколько дней до происшествия. Обычно высадка черано на планету не приветствуется, но эти значились в качестве охраны миссии и имели дипломатический статус, включая право на ношение оружия. Более того, им удалось каким-то образом получить разрешение на выезд из Особого района, якобы для встречи с клиентом одного из охраняемых лиц. Встреча, как несложно догадаться, происходила в Бангкоке.

Переговоры длились около восьми часов, в ходе которых анакалиец находился в хорошо охраняемом здании, куда телохранители его не сопровождали. По завершении встречи делегация вернулась в Особый район, откуда через день должна была лететь на родину. Однако на следующий день диспетчерская СКИП зафиксировала ваше сообщение, согласно которому при патрулировании складов вы обнаружили признаки вскрытия объекта 1480-КРТ. Войдя внутрь, вы увидели троих вооруженных черано, которые на требование проследовать для разбирательства пытались применить против вас оружие, но были застрелены вами из служебного пистолета. Вы каких-либо ранений не получили.

Рамирес многозначительно замолчал, пытаясь поймать мой взгляд. Поскольку обсасывание деталей произошедшего занимало основную часть моего времени последние три месяца, впечатлен я не был. Не дождавшись реакции, Рамирес продолжил:

– Таким образом, по версии следствия, установив личности убийц с помощью сделанной вами видеозаписи, вы заманили их на склад, где собственноручно казнили. Данное происшествие вызвало краткосрочный дипломатический скандал. Правительство Анакалии выразило возмущение расстрелом троих лиц со статусом дипломатов, пусть и не являвшихся ее гражданами. Впрочем, после обнародования доказательств их участия в зверском убийстве гражданки Земли скандал быстро сошел на нет. А обвинителям так и не удалось доказать ни одно из предположений, на которых основывалась их версия.

Не доказано, что именно вы осуществляли скрытую съемку в квартире мисс Свенсон. Не доказано, что вы послали запись убийства черано с тем, чтобы заманить тех на удаленный склад. Поскольку копию видеофайла обнаружили при одном из убитых, на слушаниях вы выдвинули теорию о том, что он предназначался заказчику убийства как подтверждение выполнения работы. Неплохо, хотя само существование заказчика не доказано. По версии следствия, причиной нападения на мисс Свенсон стало врожденное зверство и корысть, свойственное черано. пытки же применялись для того, чтобы принудить ее открыть находившийся в квартире сейф и похитить его содержимое. Жертва, как известно, происходила из состоятельной семьи.

Обвинение также не смогло доказать наличие у вас мотива для убийства. Несмотря на ваше давнее знакомство с мисс Свенсон, на момент смерти она была помолвлена с другим. Ну и наконец, вы просто уничтожили обвинение аргументом о том, что, будучи в здравом уме, не могли бы решиться на перестрелку с тремя черано. Ведь, заманив их в так называемую ловушку, вы фактически совершали самоубийство.

Эксперты не сумели найти объяснения вашему успеху в схватке, сочтя его невероятным везением. Почти таким же невероятным, как и то, что знакомый жертвы столкнулся с ее убийцами на следующий день после преступления в одном из немногих мест Особого района, где нет видеонаблюдения. Но вы отказались от пси-проверки. По этим причинам, несмотря на ваше полное оправдание сначала Административной комиссией СКИП, а затем и Третейским судом Особого района, вас так и не допустили к службе. Потому что вне юридических материй никто не сомневался, что вы нашли и казнили тех троих. Вопрос в том, как, черт возьми, вам это удалось.

– Думаю, вам будет интересно, – подал голос Пон Так. – После происшествия тренировочный центр Академии провел одиннадцать оперативных игр по мотивам вашей истории. И во всех случаях наши агенты гибли.

– У вас есть живые инопланетники для тренировок? – любопытно спросил я.

– Разумеется, нет, – проворчал азиат. – Мы использовали боевых андроидов с заданными характеристиками средней точности и скорости реакции черано. В результате пришли к выводу, что вы каким-то образом воздействовали на тех перед столкновением. Не поняли только как. Ослепили? Оглушили? Шоковое воздействие? Химическое? Ментальное? Экспертизы ничего не обнаружили. А ведь это стало лучшей операцией ликвидации, проведенной на Земле за несколько десятков лет.

– Вы ошибаетесь, – спокойно возразил я. – Эти трое почти успели покинуть планету, а их сообщник так и не найден. Мотивом убийства признан квартирный разбой, и никто не ищет его организаторов. Так что лучшей, пожалуй, остается операция по ликвидации специального агента АСР Даниэль Свенсон.

Было непохоже, что мне удалось шокировать их своей осведомленностью.

– Мы подозревали, что вы знаете. – Честерфилд с сожалением отложил почти докуренную сигару. – Она сама вам раскрылась или вы поняли это из видеозаписей? Кстати, как долго вы за ней наблюдали? Удивительно, что вам это удалось, – у нее имелось необходимое оборудование и навыки.

Я не сомневался в том, что беседа записывается. С другой стороны, логично предположить, что сидевшую передо мной тройцу интересуют обстоятельства гибели их агента, а не уличение отомстившего за нее мелкого чиновника.

– Почему все решили, что наблюдение установил я? Все гораздо проще – она сама использовала это устройство. Записи загружались на виртуальный сервер. Когда она погибла, я получил сообщение от системы. – Я замолчал, давая им возможность переварить информацию.

– О ее работе вы узнали именно из этих записей? – Рамирес явно не собирался оставлять эту тему.

– Нет. – Я не стал лгать, не видя в этом особого смысла. – Она сама мне рассказала. Примерно за месяц до смерти. Правда, я и сам догадывался.

– Почему? – любопытствовал Рамирес. – Она практически не бывала здесь. Жила в Бангкоке, являлась известным политологом. Фигурой хоть и непубличной, но заметной в узких кругах. Не выезжала с Земли. Период обучения в Академии, как нам кажется, удачно замаскирован историей о закрытой школе в Альпах.

– Мы тесно общались в университете. – К рассказу приходилось примешивать воспоминания, и я был вынужден буквально проталкивать слова через глотку. – На первом курсе она писала монографию о законниках, и друг-полицейский пришелся кстати. Я знаю ее семью, бывал у них дома в гостях. Отец давно на пенсии, пишет научные статьи. В основном об особенностях политических систем разных миров. Он много путешествовал, что возможно лишь за государственный счет. Но я не нашел его ни в одном реестре служащих. Ясно, что он работал на АСР. Видимо, был важной шишкой, раз ему позволили жить вне Спейстауна. Все знают, как у вас развита семейственность. Вот и Даниэль... я часто брал ее на патрулирование в Кварталы Радости. Видел, как она ведет себя при признаках опасности, как реагирует на оружие. Она прошла спецподготовку, и вряд ли в школе для девочек в Альпах.

Меня никто не прерывал, но я остановился, чтобы сглотнуть. Напитки в программу вечера не входили. Ну что ж, подопытным крысам не выбирать. Слушатели просто ждали, когда я продолжу. Я не стал их разочаровывать.

– Примерно за месяц до нападения мы встречались в Бангкоке. В ресторане. Я никогда не навещал ее в новой квартире, даже не представлял себе, где та находится. Пригласила якобы отпраздновать свою новую работу. Получила должность аналитика при посольстве на Ганьши. Но обсуждали мы не это.

Я никогда не отличался хорошей памятью, но знал, что последний разговор с Даниэль никогда из нее не сотрется.

Она вошла в ресторан своей обычной легкой походкой и прищурилась, оглядывая зал.

Короткое элегантное платье, открывающее длинные стройные ноги. Идеально правильные черты лица, голубые глаза, коротко постриженные светлые волосы. Ей много раз предлагали карьеру модели. Звали замуж влиятельные бизнесмены и политики, в обществе которых она любила вращаться. Но, насколько мне было известно, ни то, ни другое ее не интересовало.

Я ждал уже полчаса, но у красивых женщин во все времена были свои привилегии, даже если они оставались просто вашими друзьями. Наконец она заметила меня в кабинке в дальнем конце зала и, ловко лавируя между столиками, направилась в мою сторону.

– Прости, задержали в офисе. – Что мне в ней нравилось, так это то, что она никогда не пренебрегала извинениями, будучи не права. Похоже, она действительно переживала, зная, что в Бангкок я приехал исключительно на встречу с ней.

– Нет проблем. – Я не стал уточнять, что она делала на работе в субботу вечером. – Что будем пить?

Она мельком взглянула на стоявший передо мной коктейль и пробормотала:

– Мне то же, что пьет он.

– Ваш заказ будет исполнен через две минуты, – мелодично пропел столик, и на его поверхности мягко замерцали цифры, отсчитывая указанное время.

– Сколько мы не виделись? Три месяца? – Даниэль прервала неловкую паузу, возникшую скорее из-за моей попытки собраться с мыслями.

Мы действительно не виделись довольно давно. Наверное, и к лучшему. Этот факт я осознал, лишь снова увидев ее. Проболтаться несколько лет в роли мальчика на побегушках у звезды университета и общепризнанной светской львицы, испытывая к ней вполне определенные чувства, было за гранью моих обычных представлений о самоуважении.

Тем не менее я это делал. И знал, что не один такой. Она не скрывала, что я стал полезным пропуском в темный и запретный мир городских джунглей. С некоторыми она занималась серфингом. С другими участвовала в гонках на флаерах. С третьими ходила на светские рауты – благо они отличались презентабельной внешностью, подвешенным языком и имели вес в деловых или политических кругах. Особняком стояли те, с кем она встречалась. Таковых набиралось не слишком много. Последнего звали Махандер Раджпури – мрачноватая и не слишком общительная, но очень яркая звезда психикионики. Лично я не понимал, как можно встречаться с человеком, который способен манипулировать твоим сознанием.

Многие, впрочем, и шутили в духе того, что Махандер заполучил Даниэль с помощью внушения. Мне же всегда казалось, что причина в том, что он неприлично умен, а специалистов такого класса на планете не набралось бы и десятка. Она всегда любила эксклюзивность. Полицейских, серферов и светских пуделей в мире, ясное дело, пруд пруди. Я никогда даже не заикался на тему перевода наших отношений в иное качество. Как шушукались общие знакомые, потому и продержался в друзьях так долго. Спортсмены и партнеры по званым вечерам менялись чуть ли не ежемесячно.

– Да, где-то так. – Я старался ронять слова с небрежной ленцой, хотя совершенно точно помнил, когда и при каких обстоятельствах мы встречались последний раз. Правда, видеозвонки не были такой уж редкостью. Как правило, звонила она. И обычно с просьбой пробить очередного кавалера по базе правоохранительных органов. Возможно, не хотела беспокоить куратора в АСР.

– Как там Махандер? – Я тут же проклял себя в душе. Прекрасный первый вопрос для разговора с другом женского пола. Конечно, она знала о моих чувствах. Не уверен,

беспокоило это ее или забавляло.

– Неплохо. – Она явно была удивлена, потом в глазах замелькали озорные искорки. Очевидно задавив в себе какую-то неуместную шутку, способную спровоцировать разговор, до которого я так и не созрел за годы нашего знакомства, она серьезно продолжила: – Ты же его знаешь. Работает как проклятый. Много путешествует.

Она снова замолчала, подбирая слова. Глаза регулярно перескакивали с меня на зал ресторана, обшаривая его цепким профессиональным взглядом. Она села не напротив, а сбоку – так, чтобы не оказаться спиной к входу. Сумочку положила на стол возле правой руки. Никакой обычной игривой расслабленности.

– У нас мало времени. – Она тут же прикусила губу, похоже сожалея о неудачном начале. Положила свою ладонь на мою и слегка сжала.

Дело было плохо. От ее прикосновения все внутри перевернулось точно так же, как в студенческие годы, когда ни одна ночь не проходила без мыслей о ней.

– Ты столько лет был хорошим другом...

Вот это да. Она не отпускала мою руку, и мысли слегка путались. Позвала, чтобы объявить о прекращении общения? Почему? Неужели наша дружба разодралась начальству в АСР? Мелодичный сигнал возвестил о готовности напитка, который незамедлительно возник перед Даниэль на столе, прервав ее мысль и отчасти разрушив чары. Она отняла руку, чтобы взять бокал. Возможно, немного более резко, чем следовало. Сделала большой глоток. Лицо порозовело, а когда взгляд снова обратился ко мне, глаза уже привычно смеялись.

– Что-то я сегодня не слишком в ударе, не так ли? – Вопрос был риторическим, поэтому я лишь промычал что-то невнятное. Она снова взяла меня за руку, на этот раз куда более решительно. – Прости, но времени действительно не так много, а разговор будет серьезным. Мне нужна твоя помощь, очень нужна. Удивительно, но к двадцати семи годам из сотен знакомых и друзей ты единственный, кому я могу доверять. Во всяком случае, в подобном деле.

Я сделал хороший глоток из своего бокала и судорожно оглядел зал в поисках помощи. Признаться, в отличие от Даниэль на меня спиртное никогда не оказывало укрепляющего дух воздействия, не произошло этого и сейчас. Ресторан был пафосен и огромен. Заведение в основном оккупировали парочки, соблазненные роскошным интерьером.

Мне приглянулась стройная светлоглазая брюнетка с длинными волосами. Наверное, по контрасту с Даниэль. Возможно, стоило обсудить это с психоаналитиком, если бы мне вдруг взбрело разговаривать о личной жизни со штатным мозгоправом, навязанным СКИП. Брюнетка ворковала с индийцем лет на сорок старше, в деловом костюме стоимостью с мою годовую зарплату.

– Ты еще со мной? – Пауза несколько затянулась, но голос Даниэль выражал скорее недоумение, чем недовольство.

– Да, о богиня моего сердца. – Подтрунивания между нами были делом обычным. Она, в свою очередь, могла именовать меня «верным вассалом» или «преданным рабом». Правда, мне самому не слишком понравился звук моего голоса. Никакой дружеской иронии – скорее жесткий сарказм человека, которому придется делать то, что вряд ли доставит ему удовольствие.

Ведь мы оба понимали, что я неспособен ответить отказом. Я не знал, в чем дело, но если с ним не могли разобраться ни АСР, на которое она работала, ни ее папаша – бывшая шишка из этого самого АСР, ни любящий дядя-миллиардер, ни один из ее поклонников, у

которых хватало как мышц, так и мозгов и политического влияния, – значит, дело было дрянью.

Видимо, слишком личное. Или слишком грязное, что то же самое. Такое, о котором не должны узнать ни работодатель, ни родственники, ни друзья. Ну, кроме старины Эрика, которому уже доводилось вытаскивать ее, полуживую и непрестанно блюющую, из Кварталов Радости в периоды студенческих экспериментов.

Так что речь пойдет не о том, чтобы пробить кого-то по закрытым полицейским базам. И не о посещении наркоманских притонов, секс-клубов или сектантских сборищ, чем она увлекалась несколько лет назад. И так не слишком деятельный мозг, изрядно накачанный спиртным, лениво перебирал возможные варианты.

Назойливый поклонник? Да нет, маловероятно. Один ее звонок, и практически любому обеспечена либо больничная койка, либо полное отлучение от общества вкупе с разрушением карьеры и личной жизни, если таковые имелись. Шантаж? Более занятая версия, хотя последние годы она была пайнкой, а шантажировать кого-то информацией о студенческих оргиях в наш просвещенный век просто нелепо.

Нет, неправильный подход. Дело не в том, что случилось, а в том, почему помочь могу только я. Что можно поручить другу Эрику, не знающему ничего, кроме работы законника? Слежку? За Махандером, что ли? Да он без ума от нее точно так же, как и я. На других ей глубоко плевать. Не то.

Она напугана. А она одна из самых храбрых особей женского пола, что ты видел. Думай, детектив. Защита? Нет, попросила бы дядю дать телохранителей, да и кому нужен таскающийся по пятам несчастный воздыхатель. Защита... защита может быть разной. Есть одна просьба, с которой нельзя пойти ни к дяде, ни к папе, ни к знакомым костоломам. Но можно обратиться к человеку, неспособному тебе отказать и знающему, как заметать следы.

– Итак, кого нужно убить, моя принцесса эльфов? – Спяну мне показалось, что фраза прозвучала чрезвычайно непринужденно, а тон даже свидетельствовал о некотором налете светского лоска.

Непроизвольный всплеск женской руки смахнул бокал на пол, но вместо того, чтобы эффектно разбиться на манер сцены из дореформаторского фильма, ударопрочный пластик лишь весело запрыгал по ковру, немедленно приведя в движение роботов, вылезших из тумбы по соседству и деловито приступивших к уборке. Похоже, я действительно был не таким уж плохим детективом.

У них было много вопросов, очень много. Конечно, они предпочли бы взять паузу и проверить новые для них сведения. Но профессионалы должны ковать железо, пока горячо, а этим наверняка казалось, что я уже загнан в угол и не смогу юлить. Что ж, тактика работала, и большая часть того, что они слышали от меня, являлась правдой. Мои отношения с Даниэль, как ни странно, не слишком их волновали. Ее убийство – дело другое, но здесь я мало чем мог помочь. Впрочем, они и не ожидали услышать от меня имя заказчика.

Поняв, что большего о погибшем агенте из гостя не вытянуть, тройка неожиданно сменила тему. Рамирес несколько раз ткнул в панель, и сбоку от стола возникла проекция многостраничного документа, увенчанного фото в правом верхнем углу. Мрачноватый, крепко сбитый тип с ярко-голубыми глазами и коротко стриженными светлыми волосами враждебно уставился на расположившихся за столом бюрократов. Не лучшая моя фотография. Подумать только, мне демонстрировали мое собственное досье, заботливо

подготовленное сотрудниками АСР. Выглядело оно пугающе объемным.

Рамирес в полной мере наслаждался моим замешательством и, увеличив шрифт проекции, нудным голосом стал зачитывать информацию с первой страницы:

– Эрик Александр Старгарт, дата рождения – седьмое апреля сто двадцатого года Реформации, уроженец Стокгольма, Земля. Европеоид. Рост сто восемьдесят сантиметров, средний вес девяносто килограмм. Уровень интеллекта по универсальной шкале – сто восемнадцать, аналитические способности – сто двадцать пять. Уровень тревожности – семьдесят семь пунктов, страховый порог – тридцать девять пунктов. Реакция – сто девять, навыки рукопашного боя – сто одиннадцать, меткость – сто пятнадцать баллов.

Пон Так пренебрежительно скривился, демонстрируя свое отношение к показателям, которые сложно было признать выдающимися. Честерфилд, похоже, хотел что-то сказать, но в итоге просто махнул рукой и поудобней устроился в кресле.

Рамирес все же определенно не любил недосказанностей и охотно подытожил, чуть повысив голос:

– Общий результат – посредственно. Достаточно, чтобы устроиться на работу законником, но не более того. Вам ведь известно, Старгарт, что все ваши показатели минимум на пятнадцать – двадцать процентов ниже, чем средние по поступившим абитуриентам?

– Я всегда думал, что файлы АСР должны содержать более занятные данные, нежели результаты стандартных тестов. – Поскольку политкорректность в повестке дня не значилась, я не видел смысла любезничать. – Потом, вам не кажется, что прием зачитывания субъекту его досье в принципе несколько избытит? Или из тестов напрашивается вывод о том, что я полный идиот?

– Вы не полный идиот. – Примирительный тон Честерфилда подтверждал мои мысли об отведенной ему роли доброго дядюшки. – Вам даже предлагали должность в Службе внутренней безопасности. Но вы ведь заиклены на оперативной работе, не так ли?

Я пожал плечами, не видя необходимости в ответе. Рамирес продолжил тихим монотонным голосом:

– Отец – Александр Ульрих Кристиансен, репортер «Континентальных новостей». Мать – Анна Петровна Кристиансен, урожденная Кузнецова, аналитик «Галактического обозрения». Оба девяностого года рождения. Оба погибли при крушении шаттла, возвращаясь с Луны семнадцатого мая сто тридцать пятого года. Катастрофа признана несчастным случаем. Сын Эрик в возрасте пятнадцати лет, согласно личному волеизъявлению, определен в Полицейскую академию Юго-Восточного региона. При поступлении по желанию кадета его личные данные были засекречены, а фамилия изменена на Старгарт. В сто сороковом году закончил учебу в возрасте двадцати лет, с присвоением звания патрульного третьего класса. Оценки по окончании академии – средние. Распределен на работу в полицию административного района Сингапура. Быстро продвигался по служебной лестнице – патрульный второго класса, первого класса, сержант. В сто сорок пятом году назначен на должность детектива. Зарекомендовал себя положительно, и в сто сорок восьмом году произведен в лейтенанты и назначен руководителем группы по расследованию смертей от неестественных причин. Однако уже в сто сорок девятом году лейтенант Старгарт был уволен под предлогом сокращения штатов. Через несколько недель после этого благодаря стараниям профсоюза законников получил должность агента Службы контроля инопланетного присутствия и переехал в Опенгейт, Особый район.

Рамирес прервался, чтобы отпить ярко-зеленой жидкости из стоявшего перед ним стакана. Если допросы потенциальных инопланетных агентов они проводили по той же методике, Земля находилась в страшной опасности. Пон Так откровенно скучал, а Честерфилд смотрел на меня строгим, но понимающим взглядом. Возможно, он просто спал с открытыми глазами, пользуясь огромным опытом участия в подобных мероприятиях.

– Почему вы пошли в полицию, Старгарт? – Рамирес решил внести разнообразие в беседу. Вполне вероятно, чтобы не утратить внимания аудитории, для которой нудное перечисление фактов моей биографии вряд ли стало новостью. – Работа не слишком приятная, уровень популярности низкий, желающих не так уж много. Насколько я знаю, друзья родителей предлагали вам карьеру в журналистике. А среди них были весьма серьезные люди.

Ну, началось. Вообще-то совсем неплохо. Со мной на эту тему говорили три человека, одного из которых уже нет в живых. И разговоры эти состоялись пятнадцать лет назад, а ведь я о них никому не рассказывал.

– Хотелось заниматься чем-то реальным и видеть результат своих действий. – Полагаю, в этот раз мне удалось скрыть замешательство. – Делать мир лучше, рассказывая новости, – очень уж абстрактно для меня. Преступник в тюрьме – гораздо наглядней. Потом, вы сами сказали, что работа полицейского не слишком популярна. На Юго-Востоке они с трудом закрывали набор, так что меня приняли и с посредственными школьными оценками. А редакция межпланетных новостей – сорок человек на место. Даже при наличии связей.

– Не любите сложностей? – живо поинтересовался Честерфилд. – Это не совсем соответствует другим фактам вашей биографии.

– Как я уже сказал, это не являлось основной причиной. – У меня не было желания развивать эту тему. – Вероятно, я слишком увлекался дореформаторской историей. Когда-то массовая культура активно поддерживала положительный образ законников. Это потом корпоративная власть и Темный век подпортили им репутацию.

– Понятно. – Честерфилд кивнул Рамиресу, и тот продолжил свой экскурс в мое досье:

– В ходе работы в СКИП агент Старгарт не зарекомендовал себя с положительной стороны. В нарушениях служебной дисциплины замечен не был, однако, по мнению непосредственного начальника, страдает безынициативностью и отсутствием мотивации. – Рамирес оторвался от экрана и повернулся ко мне. – Можно ли предположить, что это связано с тем, что в полиции вы занимали гораздо более высокое должностное положение, нежели в СКИП?

– А также с тем, что в СКИП моя работа состояла в инспекции складов вместо расследования преступлений.

– Ужасно скучно, – согласился Пон Так. – И ведь сейчас социальный статус полицейского лишь немного выше статуса мусорщика или стряпчего, не так ли? То ли дело статус агента АСР...

– Я не слишком озабочен вопросами статуса, – пробормотал я. – Была бы работа по душе.

– Наверняка так оно и есть, – благодушно закивал головой Честерфилд. – Вот мы, собственно, и пригласили вас спросить, придется ли вам по душе работа в Оперативной службе.

После пятичасовой беседы я вышел из главного входа башни, выжатый как лимон.

В пределах видимости не обнаружилось ни одного слайдера. Необычно, но странностей сегодня хватало, и я решил не забивать себе голову. Тем более что к транспортной станции вела прекрасная тенистая аллея. Гулять я любил, и мне предстояло немало обдумать. Они вышли из-за деревьев примерно в трехстах метрах от здания, там, где аллея делала крутой поворот. Не могу сказать, что меня подвели инстинкты, я знал, что за поворотом трое, но не придал этому значения – несмотря на разгар рабочего дня, здесь вполне могли устроить перекур или совещание какие-нибудь аналитики или оперативники.

Впрочем, эта троица мало напоминала сотрудников АСР. Во всяком случае, я не слышал, чтобы агентство брало в штат инопланетников. Видимо, университетский курс ксеносоциологии не пошел мне на пользу, как и год, проведенный в Особом районе. Высокие и гибкие, с загорелой, как будто дубленой кожей и глазами... да, розовыми глазами. Ни один учебник не упоминал ни о чем подобном. Их одежда напоминала военную форму коричневого цвета, удачно сливавшуюся с дорожкой и стволами деревьев. Двое тихо подошли спереди, заняв центр аллеи, и остановились в трех метрах. Третий стоял у меня за спиной, наверное полагая, что я не слышал его приближения. Я не хотел оборачиваться, чтобы не провоцировать его, поскольку понятия не имел, был ли тот вооружен.

– *Невидимый*, – тихо пропел третий сзади, – обернись, *Невидимый*.

Я осознавал, что фраза прозвучала не на новоингле, а другими языками я не владел. Тем не менее слова говорившего были мне понятны. Я медленно обернулся и сделал шаг в сторону. Теперь расстояние между мной и двумя отвлекавшими внимание особями увеличилось, а с говорившим – сократилось. Стандартный прием при групповом нападении, но в данной ситуации, возможно, ошибочный. Третий все же оказался вооружен, и мое движение немедленно спровоцировало атаку.

Он двигался невероятно быстро, сжимая в руке красивый изогнутый кинжал из неизвестного мне мерцающего сплава. Очевидно, на его планете практиковался иной стиль ножевого боя, нежели на Земле, и он не стал тратить время на горизонтальные режущие движения, с ходу попытавшись вогнать оружие мне в грудь. Включившиеся рефлекс позволили мне лишь немного уклониться, и клинок пронзил левое плечо, вызвав дикую боль. Промаяхнувшись, чужак не замедлился ни на секунду. Отпустив кинжал, его рука устремилась к моему горлу, стремясь смять гортань, а колено нанесло сокрушительный пинок по ребрам слева. Но защитный механизм уже работал на полную, и, не отвлекаясь на повреждения, я нанес ему мощный удар уцелевшей рукой в область грудины.

Человек бы отключился, но незнакомца лишь отбросило на пару метров. Прошипев какое-то проклятие, он легким движением вскочил на ноги, приготовившись завершить начатое. Я повернулся к нему боком, поскольку помнил о присутствии на сцене еще двух участников и ожидал, что те присоединятся к веселью. Однако те не сдвинулись с места, а в их руках не появилось какого-либо оружия. Напротив, они сложили руки на груди, подчеркнуто демонстрируя свою незаинтересованность в участии в схватке. Только сейчас я понял, что напавший на меня, будучи той же расы, уступал им добрую голову в росте.

Все эти мысли, впрочем, мелькнули за доли секунды, поскольку мой обидчик не собирался брать пауз. Метнувшись мне в ноги, он провел удачный бросок, и я оказался на земле с не лучшим предчувствием, так как никогда не ощущал себя комфортно в борьбе. Но бороться со мной никто и не собирался. Вместо попытки захвата чужак резким ударом локтя сверху разнес мне коленную чашечку, после чего, очевидно рассчитывая на болевой шок,

схватился за рукоятку торчавшего у меня из плеча кинжала, явно надеясь вновь пустить оружие в ход. Что ж, ошибки в тот вечер совершал не только я. Инопланетник отлично держал удар и заметно превосходил меня в навыках рукопашной, но он был гуманоид, а я твердо знал, что строение всех особей нашего вида одинаково.

В то мгновение, когда пальцы убийцы коснулись рукояти ножа, я приподнялся, моя предположительно обездвиженная левая рука крепко легла ему на затылок, а правая резко крутанула голову назад. Рефлексов чужака оказалось недостаточно, чтобы противостоять контратаке. Я услышал характерный хруст ломающихся позвонков, и тело надо мной обмякло. Отшвырнув труп в сторону, я откатился на обочину и сам выдернул кинжал из плеча, не зная, чего ожидать от оставшихся двоих. Левая нога не слушалась, и мне пришлось принять какую-то нелепую стойку на неповрежденном правом колене.

Однако было не похоже, что моя судьба заботит розовоглазых. Их занимал лишь труп соплеменника. Как будто разом очнувшись от спячки, парочка в доли секунды преодолела несколько метров до тела и на мгновение замерла над ним. Если это и был ритуал, то очень короткий. Один из чужаков кинул на останки небольшую черную таблетку и спешно отступил. Меня ослепила яркая вспышка, вслед за которой в лицо ударил жар, а в нос – смрад горящей плоти. Двое скользнули мимо меня под сень деревьев. Чуть задержавшись, гигант с лицом, испещренным шрамами, нежно пропел на незнакомом языке:

– До встречи, *Невидимый*.

Все было совсем неплохо. Гораздо лучше того, на что мог рассчитывать скромный агент СКИП, да еще и бессрочно отстраненный в связи с утратой доверия. Для начала меня не стали перевозить в государственный госпиталь. Прямо на аллее я получил усыпляющий укол от медицинского робота и очнулся уже в палате больницы АСР.

Временное жилище мне нравилось – комната размером не менее тридцати метров, журнальный столик и диван из настоящего дерева, а главное – огромное панорамное окно с видом, не уступающим тому, что я недавно лицезрел из соседней башни. Сломанная нога не слишком располагала к прогулкам, да и выбраться в коридор было невозможно в любом случае – дверь открывалась только снаружи. Во время одного из визитов медперсонала я с удовлетворением зафиксировал у входа охранного дрона класса SPD. Его собрат неторопливо прохаживался по коридору, куда выходили двери еще двух десятков палат. Является ли мое убежище госпиталем или временной тюрьмой, оставалось вопросом открытым.

Когда я спросил об этом у доктора Мухаммада, ответом мне стал неуверенный взгляд и заверение в том, что я нахожусь в «специальном блоке» госпиталя АСР. Дискуссию о том, кто является обычными пациентами блока, эскулап продолжить не пожелал, сославшись на то, что подобные материи не в его компетенции. Ах да – у меня был свой лечащий врач, притом человек. Не думаю, что при других обстоятельствах мне довелось бы пообщаться с чем-либо лучше диагностической машины. Доктор заходил каждое утро в сопровождении бесшумного процедурного робота, чьи манипуляции по выкачиванию из меня крови вкупе с закачиванием других жидкостей со временем изрядно надоели.

Имелись и другие посетители. Вскоре после операции я удостоился чести познакомиться с командором Вахаднапулом из Службы внутренней безопасности АСР. Командор излучал любезность, явно излишнюю для полицейского при беседе с другим законником, – несомненно, результат инструктажа кого-то более весомого, чем мы оба. Мне были принесены сожаления в связи с инцидентом. Сообщено, что расследование будет находиться в ведении АСР и лично его, командора Вахаднапула.

Я знал, что, несмотря на всю мощь и влияние АСР, могу потребовать участия в следствии СКИП и профсоюза законников. Организованное нападение на действующего агента считалось чрезвычайным происшествием, и охота привлекла бы коллег из различных подразделений, объединенных одной целью – не допустить повторения подобного в будущем. Двое из нападавших скрылись, и это не могло не беспокоить человека в моем положении, что я и не преминул довести до сведения командора.

Отговорил меня Нгубо. Его черная как смоль двухметровая фигура возникла в дверном проеме на следующий день после посещения Вахаднапула. Ввалившись в комнату без стука и прочих условностей, приятель сразу рухнул на удобный диванчик у окна, жалобно заскрипевший под его весом. Скользнув по упакованной в футляр ноге и разбитому лицу, взгляд товарища уперся мне в переносицу, а рот расплылся в улыбке, необычно белозубой даже для эры повсеместно распространенных имплантов.

– Ну наконец-то тебя кто-то отоварил как следует. – Вообще-то Нгубо слыл добряком и балагуром, но, имея представление о том, в чем именно состоит его работа, я бы не стал полагаться на этот имидж, заботливо созданный для молодых особ, охотно скрашивавших его досуг в перерывах между заданиями. – Я всегда говорил, что ты ни на что не годен в драке.

– То, что отоваривший – покойник, тебя нисколько не впечатляет? – сварливо пробурчал я. – Вообще-то я думал, что тебя и на Земле нет.

– Утром вернулся, – небрежно пояснил черный джентльмен, пожирая персик, похищенный из вазы на столе. – Нет, не впечатляет. Повезло. Ты вообще везучий. До сих пор не могу понять, как ты справился с теми тремя на складе. Я же видел все твои боевые имитации при поступлении в Академию. Слезы. Я бы с тобой на задание не пошел. Хотя нет – пошел бы, если без риска стрельбы или мордобоя. Ты у нас честный идиот – точно знаю, не продашься и не выстрелишь в спину. Или вот телохранитель из тебя вышел бы отличный – так и норовишь броситься под пулю.

– Да ну тебя, – отмахнулся я. – Я вот в этом году убил четырех профессиональных киллеров, да еще и инопланетников. А ты чем похващаешься?

– Я разгреб куда больше отбросов, и совсем в другой лиге, уж поверь. – Второй персик последовал за первым, прекрасно вписавшись в общую картину блаженного самодовольства, царившего на диване.

– Утром вернулся и сразу ко мне? Как лестно. А где цветы? Или ты только чужие персики жрать горазд? – Персиков мне правда было жаль.

– Обольщаться не стоит, ты не в моем вкусе. – Вывод из моих слов был сделан, и супермен переключился на менее любимые мною яблоки. – Что приказали, то и делаю. Мы люди подневольные. Прикажут вытирать сопли полицейским неумехам – будем вытирать.

– Тебя что, отозвали с задания из-за меня? – Наверное, меня должно было распирать от гордости из-за того, что одного из ведущих головорезов Галактики срочно доставили на Землю присматривать за мной, но мозг законника однозначно сигнализировал: это признак того, что дело дрянь.

Нгубо уставился на меня с деланой озабоченностью:

– Опаньки, высотобоязнь штатные мозгоправы определили, а манию величия-то и прошляпили. На что еще жалуетесь, больной? Таинственные голоса в голове, нестерпимое желание захватить мир?

– О, всего лишь пара сломанных ребер да двухнедельный курс по регенерации коленной чашечки, от которой мало что осталось. – Приятель явно не собирался делиться подробностями кухни своего подразделения, а меня на самом деле интересовали более актуальные материи. – А, ну и чуть не забыл – проникающее колотое ранение левого плеча, причиненное клинком из неизвестного сплава. Очень плохо заживает, кстати. Не видел, часом, таких? А с розовоглазыми инопланетниками якшаться не доводилось?

Уважаемый в научных кругах доктор ксеносоциологии и по совместительству каратель на службе Всемирного правительства, посетивший не менее десятка миров, впал в легкую задумчивость. Было неясно, какие именно инструкции им получены и собирается ли он им следовать. Я рассчитывал на то, что старшие агенты Оперативной службы, обычно действующие автономно от центра, не слишком склонны слушаться бюрократов из Спейстауна.

– Видел, – неожиданно легко признался он. – Пару раз, но видел. Ножик сейчас у наших экспертов. Насколько я знаю, это первый экземпляр, который удалось захватить. Есть все основания полагать, что вещица – шайнского производства.

Сингапурский университет.

Факультет политологии, 1-й курс

Профессор Кейтель был сухопар, умен и невыразимо язвитель. Возможно, именно по этой причине руководство факультета каждый год поручало ему проводить вводную лекцию для первокурсников. Впрочем, мне не показалось, что эта честь доставляет профессору удовольствие. С легкой тоской оглядев заполнившие амфитеатр главного корпуса две сотни молодых и не очень лиц и не утруждая себя какими-либо вступлениями, преподаватель ткнул пальцем в имевшего неосторожность усестыся в первом ряду высокого азиата лет восемнадцати и требовательно спросил:

– В каком мире мы сейчас живем?

– Э-э-э... – Не ожидавший интерактивного общения в свой первый день китаец запнулся и робко предположил: – В мире сто сорок третьего года Реформации? На Земле? В Галактике трехсот сорока восьми обитаемых миров?

Профессор схватился за голову и издал нечто напоминающее стон.

– Итак, большое спасибо... мм... хотя не важно. – Кейтель проигнорировал горящую на столике студента табличку с именем. – Теперь мы владеем статистической информацией, известной каждому ребенку в возрасте от трех лет, проживающему на этой планете. Правда, не каждого трехлетку принимают в университеты, но уверен, что это дело ближайшего будущего. Еще мысли?

Аудитория сжалась, ожидая выбор очередной жертвы, но в этот раз профессор определенно хотел поживиться добровольцем. Бодрая чернокожая девушка, судя по возрасту попавшая в аудиторию прямо со школьной скамьи, активировала динамик и оглушительно отрапортовала на весь зал:

– Мы живем в мире всеобщего благоденствия и процветания! В мире, где нет войн и конфликтов! Где нет нищеты и преступности! Где каждый получает то, что заслуживает!

Не было сомнений, что она могла продолжать еще очень долго, но профессор нервным жестом блокировал ее микрофон.

– Если бы в нашем мире каждый получал то, что заслуживает, жертвы «Всемирных новостей» никогда не попадали бы на факультеты вроде нашего. У вас ведь наверняка просто зашкаливающие школьные баллы? Собираетесь заниматься политикой? Не отвечайте, да упасет нас космос от занятия вами какой-либо выборной должности. Может, вы и научитесь мыслить самостоятельно за три года обучения, но я бы не слишком на это надеялся. Я так понимаю, шансов услышать сегодня что-либо осмысленное у нас нет? – Гуру политологии на сей раз окинул зал взглядом, исполненным плохо скрываемой неприязни.

– Никто не знает, в каком мы сейчас живем мире. – Стройная загорелая блондинка лет двадцати, сидевшая в центре зала, говорила ровным и рассудительным голосом, контрастировавшим с ее яркой внешностью. – Этот мир не создан нашей расой. Его нам даровали, или навязали – смотря каких взглядов вы придерживаетесь. Нам неизвестны конечные цели его создателей. Сейчас мы живем благополучно. Наша планета занимает достойное место в сообществе миров. Мы сами заселили многие из них. Мы построили систему планетарной обороны и создали мощный космический флот. Нам кажется, что мы в безопасности и у нас нет вызовов – внутренних или внешних. Но это было бы невозможно без установления протектората. Если бы кто-то другой не обратил вспять экологическую катастрофу. Если бы на нашей поверхности не построили Завод, производящий двигатели для наших звездолетов, потому что мы, люди, понятия не имеем, как работают Т-прыжки. Мы знаем одно – что живем под сенью гораздо более развитой и могущественной цивилизации,

которая спасла нас. Но она же может в любой момент и уничтожить. Поскольку все, что мы можем противопоставить их мощи, дано нам ими же.

Аудитория испуганно примолкла. Тишину нарушало лишь возмущенное фырканье негритянки, которая порывалась что-то сказать, но не могла сделать этого из-за заблокированного микрофона.

Профессор благожелательно посмотрел на блондинку:

– О, антишайнская пропаганда... давненько я не слышал ее от первокурсников. И что же нам, по-вашему, делать в этой тревожной ситуации? Стоит ли начать с закрытия факультетов политологии и социологии как совершенно бесполезных?

– Ну почему же. – Его молодая визави совершенно не выглядела смущенной. – Есть множество сфер, в которые не происходит видимого вмешательства со стороны шайнов. Они не правят нами или кем-либо еще. Во всяком случае, тому нет доказательств. Но разве изучение шайнов не должно стать основой ксеносоциологии? Тем не менее по ним практически нет новых опубликованных работ. Мне это кажется крайне любопытным.

– Так вы собираетесь писать о шайнах, – задумчиво протянул профессор. – Вижу, вы не ищите легких путей. Как вижу и то, что вы пали жертвой весьма популярной теории заговора, согласно которой исследования их цивилизации пресекаются то ли Всемирным правительством, то ли самими шайнами через протектора или неких неведомых агентов влияния. Заверяю вас, что это не так. Попытки разгадать тайны шайнов не встречают какого-либо противодействия. Просто... просто со временем определенные темы в научных кругах исчерпывают себя. Правда состоит в том, что после нескольких сотен лет знакомства нам практически ничего не известно о шайнах. Мы даже не знаем, являемся ли мы родственным биологическим видом. Генетические и социологические исследования в известных нам населенных мирах убедительно доказали, что все гуманоиды произошли от одной цивилизации. Очень и очень давно расселившейся по космосу неким способом, относительно которого академики крупнейших планет по сей день спорят до хрипоты. Но шайны? Мы не можем определенно утверждать, что родственны им, поскольку еще никому и нигде не удалось получить их генетический материал для сравнения. Кто-то считает, что они наши прародители – выходцы с той самой Исходной планеты, знания которой утрачены остальными цивилизациями. Другие полагают, что они наши братья – народ, оказавшийся в той же ситуации, что и остальные, но сумевший опередить прочие миры в технологическом развитии и затем пришедший нам на помощь. Третьи убеждены, что их закрытость связана с тем, что они вообще не гуманоиды и лишь притворяются таковыми, чтобы завоевать наше доверие.

Профессор помолчал.

– Увы, исследовать здесь нечего, в том числе ксеносоциологам. Все, что можно, описано более ста лет назад профессорами Киглом и Ван Шу в их «Загадке шайнов». Около тридцати лет назад академик Джеввардаш с Ганьшьи издал объемнейший труд «Взаимодействие шайнов с известными цивилизациями», где проанализировал все контакты с шайнами на основе летописей и изустных преданий более чем шестидесяти планет. Обе книги доступны в любой университетской библиотеке. Все последующие исследования представляют собой ничем не подтвержденные гипотезы, базирующиеся исключительно на воображении их авторов. Именно поэтому они не получают – и не получают – признание в научных кругах.

Несмотря на декларируемую антинаучность, тема шайнов явно представляла для профессора большой интерес, и он с удовольствием продолжил:

– Что мы можем сказать о них, основываясь на нашем опыте? Они появились в середине двадцать первого века по старому исчислению, когда Земля задыхалась от экологической и социально-экономической катастрофы. Власть фактически находилась в руках нескольких мегакорпораций, контролировавших правительства более чем двух сотен разобщенных стран. Ресурсы распределялись по постоянно снижающимся нормам – это относилось к воде, еде, кислороду, топливу, электричеству. Более девяноста процентов населения жили на минимальном рационе. Система соцобеспечения рухнула, старики и инвалиды без поддержки близких были обречены. Полноценное здравоохранение оставалось доступным лишь нескольким процентам жителей. Между корпорациями велись постоянные войны за ресурсы, для чего использовались как частные, так и правительственные армии. Выборы представляли собой имитацию демократии, где населению предлагалось голосовать за представителей двух-трех партий, каждая из которых находилась на содержании у определенной корпорации. Любое инакомыслие и попытки протеста жестко пресекались. И тогда над Землей впервые появилось «Грозное облако».

Профессор запнулся и посмотрел на часы:

– Хм, кажется, я увлекся. Почему бы нам не устроить небольшой перерыв?

В дверях Кейтель замешкался, обернувшись.

– Да, кстати, милочка. – Ученый вновь счел ниже своего достоинства опускаться до чтения табличек. – Как вас зовут?

– Меня зовут Даниэль Свенсон.

Нгубо ушел, наверняка измотанный дружеской беседой не меньше меня. Инстинкт полицейского, помноженный на инстинкт самосохранения, почуяв слабинку в оппоненте, привел к натуральному допросу, в ходе которого мой черный приятель несколько раз заметно побледнел, пару раз – покраснел и под конец покрылся испариной, несмотря на прекрасно работающий климат-контроль. Роль ему досталась незавидная – на Земле он превратился в мелкого чиновника, направленного ко мне с определенной миссией, и не мог просто послать собеседника к черту.

В результате почти часового словесного спарринга, по ходу которого супермен из разведки был лишен возможности использовать стандартные техники вроде «не знаю», «не помню» и «да иди ты в...», и в обмен на клятвенное обещание не звонить в СКИП я обогатился довольно любопытными знаниями. Поразивший меня клинок изготовили из сплава, напоминающего те, что используются шайнами.

Сами владыки космоса кинжалов не носили. Зато их очень любили черано – те самые, трех из которых я пристрелил три месяца назад, что давало почву для занятных гипотез. У черано такое оружие было редкостью, и владели им лишь главы семейств как символами власти. По слухам, кинжалы использовались для казни оступившихся членов клана. Этот весьма познавательный ксеносоциологический экскурс, впрочем, слабо прояснял причины нападения. Безусловно, черано имели повод для мести. Но я не входил ни в какой клан, и с какой стати феодал с другой планеты стал бы жертвовать сакральным предметом для моего умерщвления, оставалось непонятным.

Розовоглазые именовали себя герреры, и человечество никогда с ними не сталкивалось. Сведения о них поступали в основном от анакалийцев, активно использовавших черано для различных грязных делишек в слабо развитых мирах и потому знакомых с сектором сто восемьдесят четыре, где находилась Джарт – планета черано, а также предположительно и

планета моих обидчиков. «Предположительно» – потому что никто не знал, к какой именно звездной системе она относится. Доподлинно было известно лишь то, что в этой зоне пропало больше звездолетов, чем в любой другой, – особенно тех, которые проявляли интерес к ранее неисследованным солнцам. Поэтому последнюю сотню лет посещение сектора ограничивалось Джартом и пятком таких же не слишком развитых планет по соседству.

Каких-либо контактов этих планет с шайнами зафиксировано не было. Зато местный фольклор пестрел легендами об огромном дисковидном объекте, спускавшемся с неба из черной тучи. В отличие от шайнов, никогда не приземлявшихся на поверхности, эти корабли не стеснялись садиться там, где считали нужным, игнорируя десятки гектаров выжженных лесов и полей, да и случайно оказавшиеся под кораблем деревушки, сгинувшие вместе со всем населением. Опять же в отличие от шайнов, которых никто никогда не видел более трех в одном месте, звездолеты извергали из себя хорошо вооруженные и организованные отряды высоких, загорелых и розовоглазых инопланетников. Отсталые планеты не могли оказать пришельцам никакого значимого сопротивления. Пытавшихся бороться убивали на месте, и на несколько недель цивилизация переходила под контроль сил вторжения.

Получив под страхом смерти заверения в полной поддержке со стороны старейшин, захватчики деловито приступали к разграблению планеты. В недрах корабля стремительно исчезали домашний скот и собранный урожай. Сколоченные из местных рабочие отряды посылались в наспех сделанные направленными взрывами шахты, где добывали нужные геррерам породы. Параллельно с этим специальные команды розовоглазых занимались тем, что служило предметом наибольшего расстройств аборигенов, – отбором привлекательных и здоровых особей женского пола. Каждое нашествие длилось ровно сорок один день, после чего налетчики удалялись, увозя большую часть скота и урожая, а также от одной до двух тысяч юных дев. Которых, само собой, никто и никогда больше не видел.

Подобные набеги, продолжавшиеся несколько тысячелетий, происходили раз в тридцать шесть земных лет. Зная об этом, каждая планета сектора соответствующим образом готовилась. За несколько лет до нашествия начинали копить запасы, часть из которых прятали с тем, чтобы в результате вторжения цивилизация не осталась в тисках голода. В год прибытия тысячи молодых женщин уходили прятаться в леса и пещеры, надеясь, что их минует участь жатвы. Розовоглазые совершенно не возражали против данного обычая. Ими формировались поисковые команды, которые с азартом тратили сорок дней на квесты по лесам и горам в поисках селянок – и были в этом на редкость успешны.

Однако примерно двести лет назад, или уже почти шесть циклов, вторжения в секторе сто восемьдесят четыре прекратились, а герреры более не объявлялись в разведанных частях Галактики. Анакалийские исследователи выдвинули гипотезу о том, что те залегли на дно ввиду заметно увеличившейся активности шайнов. Именно в тот момент высшая раса построила заводы в одиннадцати основных мирах помимо Земли, вскоре после чего сотни звездолетов, оснащенных Т-двигателями, жадно бросились исследовать все вокруг. Как бы то ни было, напоследок герреры оставили человечеству сомнительный подарок в виде черано.

При последнем визите на Джарт взамен традиционного собранного урожая из юных дев на планете были высажены несколько тысяч высоких, необыкновенно ловких и физически сильных чужаков. Разбитые на кланы по одному им ведомому признаку, те на десятки лет погрузили планету в период, весьма напоминавший земной Темный век. Крайне агрессивные и жестокие, не заинтересованные в поддержании каких-либо институтов власти, черано

просто терроризировали местных жителей, убивая мужчин, насилуя женщин и отбирая все, что им нравилось.

Несмотря на то что герреры не снабдили черано ничем, кроме холодного оружия из диковинных сплавов, а количественно они составляли незначительную часть населения Джарта, община крестьян и ремесленников не смогла оказать чужакам какое-либо сопротивление. Неоднократно собиравшиеся народные дружины вырезались пришлыми под корень, поскольку что с оружием, что без него каждый черано был способен без труда одолеть десяток-другой обывателей.

Конец этому царству террора положили анакалийцы, чей корабль-разведчик набрел на Джарт. Не будучи хорошими воинами, они располагали современными технологиями подавления. Насильственный захват и оккупация населенных миров не допускались Уставом Звездного сообщества, однако никто не запрещал выгодные сделки. Анакалийцы с удовольствием подписали со старейшинами Джарта договор, по которому обязались избавить планету от власти черано в обмен на эксклюзивные права на разработку всех местных месторождений полезных ископаемых сроком всего лишь на сто лет. Разумеется, с преимущественным правом продления.

Соблюдая договоренности, анакалийцы с применением незатейливых средств вроде парализующего газа за несколько недель отловили и вывезли всех черано на остров, расположенный в центре внутреннего моря. К сожалению, по результатам десятков лет оккупации налетчики приросли женским населением, поэтому надеяться на прерывание их рода не приходилось.

Заниматься ремеслами, скотоводством или земледелием черано упорно не желали, но с удовольствием исполняли роль телохранителей анакалийцев при визитах тех в третьи миры, где нередко становились дополнительным фактором убеждения местных в необходимости дружбы с их хозяевами. Столкнувшись с ними раз, многие планеты запретили высадку черано на свою поверхность. Сотни из них давно отбились от анакалийских миссий и превратились в свободных агентов, промышлявших не только охраной, но и любимым занятием своего рода – убийствами. На Земле визиты черано, мягко говоря, не приветствовались.

Сведения о геррерах, да и полная история сектора сто восемьдесят четыре не попали ни в один из университетских учебников. Анакалийцы поделились ими с остальными одиннадцатью мирами под условием сохранения секретности. Это было мудро – людям вовсе незачем знать о существовании еще одной сверхцивилизации. Тем более столь агрессивной.

Теперь мой мозг полицейского фиксировал достаточно четкую и логичную последовательность событий. Анакалийцы привезли с собой черано в качестве охраны. Те убили Даниэль, а я казнил черано, после чего на Землю прибыли розовоглазые и попытались прикончить меня в ходе какого-то ритуала кинжалом, имеющим сакральное значение для моих жертв. Это имело некий смысл, раз черано являлись порождением цивилизации герреров. Видимо, они полукровки – продукт отношений розовоглазых и похищавшихся теми на протяжении тысяч лет жительниц шести планет. Решившись по тем или иным причинам на самоизоляцию, герреры выкинули своих незаконнорожденных детей на Джарте и предоставили тех самим себе. Логично.

Нелогичным было то, что минимум трое представителей высшей цивилизации не побрезговали потратить время и ресурсы, чтобы долететь до Земли, где, скрытно высадившись на планету, попытались умертвить существо низшей расы. И это все ради чего –

мести за каких-нибудь прапраправнуков тех, кого высадили на Джарте двести лет назад? Вообще-то за эти двести лет жители различных планет убили сотни черано, каждый из которых, скорее всего, заслуживал смерти. Но я никогда не слышал, чтобы по души палачей этих мерзавцев кто-то приходил – включая других черано. Логическая цепочка рвалась, недосчитавшись кучи звеньев, и, будучи придавлен грузом информации, которую мой процессор пока не мог полностью переварить, я счел за благо отбыть ко сну.

День в моем обычном кошмаре на сей раз был солнечным, а лица черано выглядели мягче, чем я их помнил, и как-то даже человечней. Отстрелявшись и как всегда успешно поразив все цели, я проснулся в поту, чтобы обнаружить сидящего у кровати давно не бритого типа с изрядно подкопченной, но некогда однозначно белой кожей, голубыми глазами под стать моим и суровым благородным лицом а-ля герой вестерна середины двадцатого века. Одет субъект был в зеленую дореформаторскую хлопковую майку с надписью на старом английском «Гавайи 2017» и с виду еще более древние шорты цвета хаки, подпоясанные самодельным кожаным ремнем – не иначе как из аллигатора. На груди блестела серебристая звезда, заключенная в круг. В центре значка красовалась крупная буква «М». В руках у реликта прошлого тем не менее покоился вполне современный планшет из гиперпластика.

– О, проснулся, – отвлекшись от чтения планшета, среагировал достопочтенный Маркус Смайт, шериф Мадагаскара, пятидесяти восьми лет от роду. – Я уж думал, тебя ввели в искусственную кому, чтобы не раздражал окружающих.

Я тупо таращился на старого знакомого, спросонья не слишком представляя себе, что сказать. Появление мадагаскарского шерифа за пределами острова само по себе являлось событием если не исключительным, то знаменательным. А вот то, что он знал о произошедшем со мной, в то время когда данной информацией не владело даже мое начальство из СКИП, уже потрясло воображение. Еще большим шоком стало то, что житель зоны отверженных, пусть и шериф, допущен на территорию АСР.

– Видно, дрон у двери просто не опознал тебя как гомо сапиенс, – наконец предположил я. – Иначе с чего бы ты сидел у моей кровати и пачкал своими лапами больничный пол. Им стоит настроить своих пластиковых дурачков на любые потенциально агрессивные образчики фауны.

Служитель закона самодовольно ухмыльнулся и обозрел свои боты с клеймом какой-то наверняка модной в двадцать первом веке обувной фабрики. Те, против обыкновения, выглядели стерильно чистыми, из чего можно было сделать вывод о том, что, прежде чем попасть в палату, мой гость все же прошел какую-то санобработку.

– Услышал вот, что тебя подрезали, – сразу перешел к делу шериф, – и решил посмотреть на такое диво, как полицейский на больничной койке. У нас, знаешь, все проще: если тебя сбили с ног – ты, считай, труп. Расширяю свой... э-э-э... социальный опыт.

– И где же ты это услышал? – любопытствовал я. – О, знаю. Заходишь ты, значит, в бар в какой-то мадагаскарской деревне, а там все только и говорят об агенте СКИП, на славу отделанном неизвестными пришельцами в трехстах метрах от главного здания АСР. Или нет – тебя пригласило АСР как независимого эксперта, дабы расследовать этот ужасный инцидент. Хотя о чем это я – ты наверняка просто главный специалист в Галактике по розовоглазым. Слышал о таких?

Как я полагал, мои обещания Нгубо не распространились на тех, кого АСР само пускало ко мне в палату.

– Второе, – спокойно сказал законник. – Сегодня в семь утра я получил дело от командора Вахаднапула. Дело более не находится в ведении Службы внутренней безопасности. Создана специальная оперативная группа под моим руководством,

подотчетная непосредственно Дирекции. Агенты АСР в группу не входят.

Я не люблю выглядеть глупо, поэтому порадовался отсутствию в палате каких-либо зеркальных поверхностей. Привлечение мадагаскарского шерифа к расследованию кухни АСР в качестве главы подразделения, состоящего из сторонних лиц, было сложно охарактеризовать даже как беспрецедентное. Это было попросту невероятно. Я видел только одно объяснение, имевшее хоть какой-то смысл, и не замедлил им поделиться:

– Охота на «крота»? Все так плохо, что они своим не доверяют?

Шериф достал из кармана пачку сигарет непонятного века производства, с досадой посмотрел на нее и запихал обратно, вспомнив, что здесь все же больница.

– На крота. Или кротов. Или кротовник. – Маркус беспомощно развел руками, наглядно демонстрируя текущую стадию расследования. – Никто не знает, и это пугает *их* до чертиков. Вахаднапул выяснил очевидное – о твоём визите в АСР знал очень ограниченный круг лиц. Еще меньше народу могло сориентировать нападавших по времени, когда ты выйдешь на аллею. Торчать под деревьями часами там невозможно – их бы неизбежно заметили. Значит, они появились непосредственно перед атакой. Все слайдеры убрали от входа, чтобы загнать тебя на дорогу к станции. Прочие входы на аллею перекрыли дронами. Камеры отключили, летающих разведчиков перенаправили в другие сектора. Непонятно по чьему приказу, разумеется. Вкупе с убийством Даниэль это смахивает на заговор, причем заговор в недрах АСР. Они и так подозревали, а теперь убедились. Похоже, среди заговорщиков, а тех явно больше одного, есть лица с высшим доступом.

Сказанное звучало весьма пугающе. Некие силы внутри АСР с помощью инопланетников сначала убили одного из собственных агентов, а затем пытались убрать того, кто за нее мстил. Но мое внимание привлекло не это. И как я раньше не догадался. А ведь это многое объясняло и из прошлого, и из настоящего. Идиот.

– Твоя фамилия ведь не Смайт, верно? – устало спросил я. – Маркус Свенсон, я полагаю?

Сингапурский университет.

Факультет политологии, 1-й курс

143-й год Реформации

Профессор Кейтель был не в духе. Само по себе это не являлось большой неожиданностью – о скверном нраве ученого мужа знал весь университет. Необычной оказалась скорее форма, в которой он решил излить свое неудовольствие окружающим миром в этот раз. Окинув как всегда полную аудиторию брезгливым взглядом, мэтр политологии воздержался от типичных для него саркастических замечаний в отношении отстающих, едва скользнул взглядом по любимчикам и, усевшись за преподавательский стол, стал вещать донельзя нудным голосом:

– Тема сегодняшней лекции – устройство современного общества. К чему же пришел мир после второго появления шайнов сто сорок три года назад? Пришельцы построили Завод, который, как считается, помог покончить с экологическим кризисом и стабилизировал климатическую ситуацию. Благодаря этому мы больше не сталкиваемся с такими природными явлениями, как ураганы, цунами, землетрясения и тому подобное. Планета больше не страдает от засух, наводнений, аномальных холодов либо жары и связанных с ними неурожаев.

Шайны восстановили контроль протектора над командным центром и спутниками.

Благодаря этому Шестнадцатый протектор смог... хм, убедить Всемирное правительство, контролировавшее на тот момент не более двадцати процентов территории Земли, начать кампанию по восстановлению законности на всей ее поверхности. В ходе кровопролитной войны были уничтожены наиболее страшные режимы, известные истории человечества, – Африканский Халифат, Империя Чжоу, Королевство Истинных Христиан, а также тысячи мелких тиранов, терроризировавших свои уделы при помощи отрядов убийц.

Желая обеспечить населению подлинную свободу выбора, Всемирное правительство пошло на создание анклавов для тех, кто не желал участвовать в общественной жизни, голосовать и избираться, да и вообще отрицал ценности Реформации. Эти изолированные поселения, известные как Кварталы Радости, существуют в каждом из двухсот двадцати пяти мегаполисов, предоставляя убежище ста миллионам жителей планеты. Еще двадцать миллионов проживают на острове Мадагаскар на руинах существовавшего там огромного производственного центра.

Барон Мадагаскара стал одним из немногих правителей Темного века, сумевших получить контроль над ядерным оружием. Собрав в нескольких городах около пяти миллионов своих подданных, он угрожал уничтожить их в случае попытки вторжения войск Всемирного правительства или черных гвардейцев протектора. В результате длительных переговоров Мадагаскару предоставили особый статус сроком на двести лет, на протяжении которых Всемирное правительство и протектор обязались не вмешиваться в дела острова. Взамен барон сдал ядерные боеголовки и разрешил покинуть свои владения всем желающим.

Возникновение территории, где не действовали законы Реформации и мировые власти, привело к тому, что на Мадагаскар хлынули остатки недобитых в других регионах феодальных армий. Единоличная власть барона постепенно сошла на нет, и сейчас остров представляет собой Темный век в миниатюре, где не желающие покидать его потомки врагов Всемирного правительства, а также добровольные иммигранты наслаждаются царством анархии и торжества права силы. Около девяноста лет назад согласно декрету Сената «О нецелесообразности нахождения в исправительной системе лиц, совершивших тяжкие преступления против личности» на Мадагаскар стали принудительно ссылать тех, кого система признала неспособными или недостойными жить в нашем обществе.

Существует ли на острове какое-то подобие правопорядка? Пожалуй. Несколько сотен добровольцев образуют корпус мадагаскарских шерифов, вершащих правосудие по своему усмотрению для тех, кто не в состоянии добиться его сам. Институт шерифов, как одиночек, желавших восстановить порядок и справедливость, был достаточно широко распространен в Темный век и перетек в его последний анклав.

Шерифы – уважаемы, любимы и ненавидимы на острове. Их власть признают хозяйничающие на Мадагаскаре преступные кланы, поскольку даже бандитам нужны беспристрастные судьи. Рука шерифа тверда, а слово железно. Многие полагают, что после реформационного выхолащивания всякой агрессии из нашего вида они – последние оставшиеся на нашей планете «настоящие мужчины».

Маркус ушел, и мне осталось лишь вновь таращиться в окно или смотреть одно из бредовых телевизионных шоу. Читать и думать вообще не хотелось. Воспоминания сами лезли в голову, заставляя снова и снова чувствовать себя идиотом. С Маркусом меня познакомила Даниэль. Я в то время начинал службу детектива, а шерифу якобы требовалась информация о связях одного из бывших жителей Сингапура, сосланных на Мадагаскар

отнюдь не за нанесение граффити на стены. Сама она, согласно легенде, познакомилась с мистером Смайтом на Мадагаскаре. Ну да, само собой, она не могла не провести несколько месяцев в самом опасном месте на Земле.

Представление старого законника сопровождалось вполне уместными для церемонии фразами о том, что тот ей «о-о-очень помог» в ходе странствий по острову. Ну как я мог не проникнуться симпатией к тому, кто, видимо, неоднократно вырывал даму моего сердца из лап насильников и убийц. Правда, шерифы и без подобных рекомендаций пользовались достаточным авторитетом и симпатией законников по всему миру. Последние из нас, кто действительно противостоял Большому злу, каждый день рискуя жизнью. К тому же многие шерифы были бывшими служаками, перебравшимися на остров то ли из мессианских соображений, то ли из жажды приключений, то ли из склонности к суициду.

Маркус Свенсон, по его словам, как раз относился к этой породе. В возрасте тридцати трех лет успешный старший оперативник АСР разругался с начальством, с остальным семейством профессиональных шпионов и уже четверть века защищал сырых и обиженных в самом страшном месте на Земле. Неугомонная Даниэль, разумеется, не могла не попытаться разгадать тайну исчезновения дяди, качавшего ее на руках в младенчестве. Воссоединение любящих родственников состоялось к их всеобщему удовлетворению, и юная леди повезла дядю посмотреть, как изменился мир за время его отсутствия, а заодно познакомиться со своими друзьями.

Последняя часть рассказа шерифа вызвала у меня живейшие сомнения, поскольку в ходе якобы светского визита Свенсоны как-то забыли упомянуть мне, что являются родней. Кроме того, я до сих пор не понимал, чем же Даниэль занималась на Мадагаскаре почти четыре месяца. Знакомство с дядей явно не требовало столько времени.

Сказанное им проясняло, по крайней мере, текущее назначение Маркуса. Он не был чужаком для АСР и немало знал о местных нравах. С другой стороны, маловероятно, что после двадцатипятилетнего отсутствия он как-то связан с заговорщиками, а гибель родственницы придавала ему дополнительную мотивацию. Шериф не просветил меня, кого собирается взять в команду, намекнув лишь, что ее формирование будет завершено в ближайшие дни.

Конечно, я предложил свою кандидатуру для участия в расследовании, на что мне нудно-официальным тоном разъяснили очевидное – даже весьма гибкие правила АСР не подразумевают, что потерпевший может сам выслеживать своих обидчиков.

– Но ты мне понадобишься, – неожиданно сказал Маркус перед тем, как мы распрощались. – Надо бы навестить одного старого знакомого. Да, думаю, с тобой будет гораздо лучше. Ты ведь уже сможешь ходить через два-три дня?

Мой эскулап действительно обещал, что вскоре я буду самостоятельно передвигаться без костылей, хотя полное восстановление могло занять еще пару недель. Я радостно согласился, ожидая подробностей, но их не последовало. Впрочем, меня уже изрядно утомило сидение в палате, и я был готов к любым предложениям, которые помогли бы ее покинуть.

В дверях старый законник замешкался и, не глядя на меня, негромко произнес:

– Спасибо.

Я знал за что.

Маркус явно серьезно воспринимал секретность. О том, что мы все же куда-то едем, я узнал на третий день после визита шерифа, а вылет состоялся ровно через двадцать минут

после того, как его мужественная физиономия возникла в дверном проеме и он коротко скомандовал мне:

– Собирайся.

В палату он пришел один, но мой пластиковый телохранитель сопровождал нас от двери до лифта, а затем и на крышу, где уже ждал подготовленный к полету десантный бот. Я не стал интересоваться, как шериф сумел раздобыть армейское оборудование такого класса. У бота дежурили два двухметровых субъекта, здорово смахивающие на близнецов. Насколько я мог судить, оба являлись выходцами из Полинезии – одного из немногих анклавов, которых не коснулся Темный век. Гражданская одежда плохо скрывала военную выправку, а под куртками топорщились защитные жилеты, судя по толщине – отнюдь не полицейского образца.

– Это Флик и Флак, – коротко представил наших попутчиков Маркус.

Я сильно сомневался, что речь идет о настоящих именах, но не видел повода проявлять излишнее любопытство. Под курткой Флика прятался какой-то стреляющий агрегат, заметно превосходивший размерами стандартное ручное оружие. Брючина на правой лодыжке также предательски задиралась. У Флака под одеждой ничего не выпирало, но в руках он крепко сжимал небольшой чемоданчик. Мне было сложно предположить, что находится внутри – наверное, ракетный комплекс, способный начисто снести стоэтажный небоскреб.

При нашем приближении Флик скользнул в бот, заняв место пилота, в то время как его напарник дождался, пока остальные заберутся внутрь, и только после этого влез сам, задраив за собой люк. Эскорт явно не имел отношения к сыскному делу. Но раз опытный Маркус полагал, что в его команде уместно присутствие ветеранов космодесанта, я не смел спорить. Бот резво стартовал с крыши, сразу взяв курс в открытый океан. Мне подумалось, что старый лис решил познакомить меня с Мадагаскаром, который находился совсем неподалеку.

Однако уже через пятнадцать минут, удалившись от берега на добрых двести километров, Флик совершил резкий разворот, направившись на север. Практически одновременно в иллюминаторе мелькнули четыре тени, намного превосходившие нас в скорости. Обогнув бот по дуге, они расположились сверху, снизу и по бокам, превратившись из неясных силуэтов в черные как смоль МТ74 – новейшие истребители на вооружении Черной гвардии.

– Как я и сказал, – спокойно пояснил Маркус, – нам нужно навестить моего старого знакомого. Думаю, ты слышал о нем. Его зовут Питер Брайсворт.

Знакомое мне имя, редко упоминавшееся в новостях, почти затерялось в глубинах памяти. Но сложить два и два в данной ситуации не составляло труда никому живущему на этой планете. Мы направлялись на Мальту, чтобы нанести визит Двадцать седьмому протектору Земли.

Сингапурский университет.

Факультет политологии, 1-й курс

143-й год Реформации

Даниэль в третьем ряду аудитории хихикала с высоченным парнем по имени Джейк, чья семья в свое время владела половиной Северной Америки и не сильно обеднела после Реформации. Папа, дядя, дед и еще несколько десятков родственников и предков Джейка стали сенаторами, и причина его поступления на факультет политологии была достаточно очевидна. Я сидел в паре рядов за их спинами и старался не обращать внимания. Страшно

хотелось спать, а я совершенно не подготовился к лекции.

Ночью начальство объявило внезапный рейд в Кварталы Радости, где затерялась очередная дочка какого-то мэра. «Какой-то мэр» позвонил нашему, и через час двести полицейских, чья смена, по идее, уже закончилась, обрушились на полсотни самых зланных притонов, где обычно зависали чада богатых родителей. Через шесть часов зачистку пришлось свернуть, притоны продолжили радовать отбросы общества, девушку не нашли.

Еще через час стало известно, что все это время она провела, ублажая пятидесятилетнего приятеля своего отца – влиятельного бизнесмена. Причем даже не в Сингапуре, где сигнал чудо-дочки запеленговали последний раз, а на Лангкави. Бывает. Наверное, эта история стоила «какому-то мэру» бутылки дорогого скотча нашему градоначальнику и неприятного, но взаимовыгодного разговора с приятелем, с готовностью согласившимся финансировать следующую выборную кампанию шокированного папаши.

Для проведения рейда мне пришлось принять стимулятор, а повторное принятие в течение суток запрещалось правилами полицейского управления. Я с отвращением отпил очередной плоток не слишком мною любимого, а главное, бесполезного эрзац-кофе и попытался погрузиться в учебу.

Профессор истории Фан Бао по прозвищу Мистер Очевидность был молод и явным образом крайне переживал за свою академическую карьеру. По этой причине все его лекции представляли собой пересказ неопровержимых и общеизвестных фактов. И, разумеется, были невообразимо скучны.

– Итак, сегодня мы поговорим о протекторате, – бубнил преподаватель. – И о том, как сформировалось современное мироустройство. На прошлой лекции мы обсудили, как выглядел мир до момента пришествия шайнов. Нам неизвестно, какие варианты те рассматривали, когда решили вмешаться в земные дела. Однако из примеров других миров мы знаем, что они никогда не использовали методы вроде оккупации или диктата местным властям. Они вообще избегали прямого взаимодействия с правительствами и населением.

Вместо этого на Земле, а также в некоторых других мирах был представлен институт протектората. Многие ошибочно полагают, что само название «протекторат» указывает на установление отношений подчиненности либо зависимости. Это мнение неправильно хотя бы потому, что шайны не несут никакой ответственности за данный термин. Его создание приписывают Первому протектору. С тем же успехом тот мог объявить Землю империей, а себя – императором.

Профессор неуверенно улыбнулся, но аудитория поощрительно захихикала, радуясь хоть какому-то разнообразию в подаче материала.

– Итак, – ученый вновь блеснул любимым словом, – из истории других миров, в частности Ганьши, Серебрии и Валминда, мы знаем, что вмешательство, известное нам как протекторат, приобретало различные формы и имело различные названия. На Ганьши протектор именовал себя Защитник сущего, на Серебрии – гм, Повелитель царей, на Валминде – Слуга всех. Очевидно, большое значение имели местные культурологические особенности, а также... э-э-э... личности «протекторов». Протектор получал от шайнов неуязвимый передвижной командный центр, из которого мог осуществлять управление системой из сотен спутников, расположенных на орбите планеты. Спутники, также неуязвимые для технологий местных жителей, были способны осуществлять уничтожение космических тел вроде метеоритов, испепеление с высокой точностью объектов на поверхности планеты, перехват и подавление любых радиочастот, информационных сетей и

каналов, наблюдение за отдельными индивидуумами, высокоточное прогнозирование стихийных бедствий, а как полагают некоторые, и их провоцирование.

Слегка прокашлявшись, профессор продолжил:

– Итак, обладая подобными ресурсами, протектор имел возможность диктовать свою волю правительствам и корпорациям. На Земле введение протектората обернулось сначала открытым, а затем тайным конфликтом. Назначенный шайнами Первый протектор объявил о создании Всемирного правительства и Сената, призванных обеспечить выход из тотального экологического и социально-экономического кризиса на основе выборности людей, пользовавшихся реальным авторитетом среди населения. На это последовала попытка ведения информационной войны, а затем и физического уничтожения протектора земным истеблишментом. Однако попытки ликвидировать шайнские спутники, а также командный центр обернулись провалом. Борьба с существующим порядком принесла протектору поддержку большинства ущемленных слоев населения. В ходе двадцатилетнего существования Первого протектората был завершён процесс политической консолидации Земли на базе Всемирного правительства и Сената, проведена унификация законодательства практически во всех сферах, введена единая валюта – юн. Представлены экологические и социальные стандарты, которые помогли предотвратить окончательную катастрофу. Мировой экономический потенциал распределили таким образом, чтобы обеспечить выживание цивилизации.

Профессор немного помолчал.

– Тем не менее земные элиты не смирились с поражением, и в ходе празднования двадцатилетия учреждения своего поста Первый протектор был убит. Пытаясь воспрепятствовать установлению старых порядков, Сенат избрал Второго протектора. Данный пост, впрочем, более не сопровождался доступом в командный центр, блокировавшийся после смерти своего владельца. Не имея доступа к наиболее совершенным инструментам сбора и контроля информации, а также карательным функциям спутников, Второй и последующие протекторы не смогли воспрепятствовать возвращению власти в руки корпораций. Последние не стали разрушать структуры, созданные протекторатом, а предпочли захватить контроль над ними. Фактически за них были решены многие задачи, над которыми корпорации бились десятки лет, – создание централизованного правительства, карательного и пропагандистского аппаратов. Четыре наиболее могущественных финансовых клана сформировали четыре партии, предоставляя избирателям решать, кто из них получит относительное большинство в Сенате на следующие три года. Результаты любых выборов, надо сказать, никоим образом не влияли на проводимую политику – менялась лишь доля пирога для тех корпораций, которые получали дополнительную политическую власть. Со временем, по мере укрепления существующей системы и вымирания тех, кто помнил значение институтов демократии, вводились цензы для избирателей, а также ограничения прочих гражданских прав, включая права на неприкосновенность личности, жилища, свободу слова и собраний, судебную защиту.

По рядам студентов пронёсся легкий ропот, и профессор испуганно взглянул на часы:

– О... у нас есть ещё семь минут. Что вы говорите? Вечеринка на факультете юриспруденции? Да-да, я понимаю, как это важно. Что ж, продолжим в другой раз.

В двадцать первом веке Мальта, безусловно, не была самым прекрасным местом на земле. Бывшее прибежище пиратов и крестоносцев, не слишком избалованное растительностью, с обшарпанным наследием прошлых столетий, очень сильно пострадало от экономического кризиса, заставившего значительную часть жителей покинуть остров. По этой ли причине или в силу удачного географического расположения, позволявшего контролировать и Европу, и беспокойные север Африки с Ближним Востоком, Первый протектор избрал ее резиденцией.

Последующие десятилетия остров пережил строительный бум. Почти половина территории, отданная поселению, названному Хоуптауном, разительно отличалась от современных мегаполисов. Стилизованный частично под Средневековье, частично под монументализм империй двадцатого века, город не имел строений выше пятидесяти метров, за исключением возвышавшегося в центре огромного дворца, являвшегося резиденцией протектора и блиставшего на солнце десятками башен различных размеров.

Побережье оцетинилось сотнями защитных дотов, возведенных в период захвата мировой власти корпорациями. Я с удивлением отметил, что мелькнувший под нами пояс морских заграждений, расположенный в пяти километрах от берега, поддерживался в рабочем состоянии. Буи искрились предупредительными надписями, а вдоль уходящей на глубину сетки деловито сновали боевые дроны.

Сразу после пересечения морской границы бот резко замедлился. Эскорт из истребителей испарился, сочтя, что теперь мы под надежной защитой береговых батарей. Повинуясь указаниям диспетчера, Флик осторожно повел аппарат по направлению к Хоуптауну. Наш пилот продолжал маневрировать на минимальной скорости, и стало ясно, что мы намерены сесть непосредственно во дворце. На этой стадии я уже перестал чему-либо удивляться, и возникновение прямо по курсу Лазурной башни воспринял как должное. Башня не была самой высокой в дворцовом комплексе, но с момента его сооружения служила жилищем хозяину острова.

Бот мягко приземлился на площадку, составив компанию десятку аппаратов с символикой самого протектора и различных подчиненных ему служб, включая скрещенные на фоне земного шара мечи Черной гвардии. На месте нас встречала пара десятков гвардейцев, рассредоточившихся по периметру в полной боевой выкладке. Не похоже на почетный караул – скорее, меры крайней предосторожности, заставляющие задуматься о том, почему же я и мои спутники не можем чувствовать себя в безопасности в одном из наиболее защищенных анклавов Земли. Впрочем, таковым считался и Спейстаун, где меня недавно чуть не зарезали.

Я не слишком изящно выбрался из бота вслед за Маркусом, наши телохранители остались внутри. Комитет по встрече состоял из офицера гвардии, пары громил в одинаковых серых брюках и куртках, представлявших собой часть личной охраны протектора, и умопомрачительно красивой девушки, чей статус я определить затруднился. Высокая, стройная, белокожая, рыжеволосая и зеленоглазая, в длинном красном платье, она разительно контрастировала со своими спутниками в унылой униформе.

Окинув нас быстрым взглядом, который я охарактеризовал бы как сочувственно-недоуменный, молодая леди представилась Лианой, личным помощником протектора, и

пригласила нас следовать за ней. Мне подумалось, что, зная я о характере встречи и встречающих, пожалуй, не стал бы отказываться неделю кряду от услуг робота-брадобрея. Лицо Маркуса также украшала традиционная щетина. Более того, ради встречи с одним из самых могущественных людей планеты он не счел необходимым отказаться от обычных шорт и застиранного поло.

Девушка вошла в башню, мы следом, охранники в сером пристроились замыкающими. Гвардейцы остались сторожить то ли наш бот, то ли его обитателей, за что я никак не мог их винить. Сложенная из нарочито грубого темного камня, внутри башня оказалась вполне современным сооружением, где всем правила безопасность. На пути до пункта назначения нам пришлось преодолеть десяток тяжелых бронированных дверей, за каждой из которых ждала пара близнецов в сером, с руками в районе кобуры на поясе.

То, что наши сопровождающие были им хорошо известны, не избавляло ни их, ни нас от подозрительных взглядов и ДНК-сканирования. Наконец мы попали в просторную светлую комнату, где нас приветствовала ослепительной улыбкой кареглазая шатенка, фигурой не уступающая рыжеволосой провожатой.

– Они пришли, – доложила она кому-то, и тяжелая дверь за ее спиной, искусно украшенная резным гербом протектора, практически сразу распахнулась.

Мы вошли в небольшую комнату, на сей раз без окон, где за столиком одиноко сидела красивая блондинка, уже всерьез заставляющая задуматься о критериях, которыми руководствуется хозяин дворца при подборе персонала. Стражи в сером за нами не последовали, оставив во власти белокурой и рыжеволосой богинь. Лиана решительно подошла к двустворчатой двери и громко постучала.

– Ага, пусть заходят, – откликнулся мужской голос, и зеленоглазая нимфа распахнула дверь, пропуская нас внутрь.

Кабинет размером около сорока квадратных метров не потрясал воображение. Массивный стол из красного дерева в центре комнаты живо напомнил мне похожий предмет обстановки, который я не столь давно наблюдал на допросе в АСР. Перед ним стояла пара удобных с виду кресел. За спиной владельца стола, слегка прикрытое старомодными портьерами, расположилось панорамное окно, а за ним – огромный балкон с несколькими лежанками, деревцами в кадках и неплохим видом куда-то в сторону Гибралтара.

Хозяин кабинета не поднялся при нашем приближении, более того, не изменил позы – он сидел, закинув ноги на стол, – и не стал отвлекаться от чтения планшета в руках. На ногах стража планеты гордо красовались пушистые домашние тапочки, вполне сочетавшиеся с нежно-голубыми пижамными штанами и фирменной футболкой Черной гвардии, почему-то белого цвета.

Питер Брайсворт, Двадцать седьмой протектор Земли, наконец раздраженно ткнул пальцем в планшет, видимо отдав какой-то не слишком нравящийся ему самому приказ, и приглашающе махнул нам рукой, предлагая занять кресла. Я заметил, что политик достаточно молод, немногим старше пятидесяти, голубоглаз, загорел, подтянут и вообще хорош собой, как и подобает лицу, сумевшему получить хоть и пожизненный, но выборный пост. Возможно, я уделил бы ему больше внимания, если бы не второй присутствовавший в кабинете, молча стоявший у окна за спиной протектора. Двухметровый блондин с фигурой атлета, холодными серыми глазами и длинными серебристыми волосами, облаченный в нечто вроде тяжелой тоги грязно-серого оттенка, пожалуй, вызвал бы к себе интерес в любой точке планеты. Особенно если знать, что планета – не его собственная. Насколько я мог

судить, перед нами стоял чистокровный шайн.

Не знаю, какие эмоции отразились на моем лице. Обычно я неплохо скрываю свои чувства, поэтому надеялся, что держался на высоте. Маркус не проявил какого-либо видимого удивления, из чего можно было сделать вывод о том, что либо он знал заранее о составе участников встречи, либо с ним не стоит садиться играть в мадагаскарский покер. Занятые нами кресла, как и ожидалось, оказались куда комфортней того, на котором прошла моя предыдущая судьбоносная беседа в АСР. Протектор окинул меня вполне дружелюбным взглядом, однако заговорив, обратился не ко мне, а к моему спутнику:

– Ты уверен, что это он?

– Совершенно, – буркнул Маркус. – И не говори, что уже не посмотрел запись со спутника.

– Три раза, – охотно признался его собеседник. – Но это лишь несколько секунд из жизни гомо сапиенс, которые могут иметь различное объяснение.

Было непохоже, что шайн собирается принимать участие в беседе, а два разговаривающих человека, казалось, сознательно игнорируют его присутствие. Пришелец тем не менее нашел себе занятие по душе, уставившись на меня тяжелым гипнотизирующим взглядом. Хотя эта игра в гляделки пока длилась всего несколько секунд, мне почему-то очень захотелось доходчиво объяснить инопланетному гостю, что в земной культуре пялиться на кого-то – весьма невежливо.

– Говорю тебе, – продолжал диалог с протектором Маркус, – за ним следили много лет. Можно точно сказать...

Разговор приобрел крайне интригующий для меня оборот, но мне не удалось услышать, о чем же «точно» собирался сказать шериф, поскольку в этот момент шайн открыл рот и, обращая ко мне на странно знакомом певуче-шипящем языке, мгновенно вызвавшем в моем сознании мощную волну ассоциаций и воспоминаний, скомандовал:

– На колени... быстро, преклони колени!

Мой спутник прервался на полуслове и недовольно посмотрел на чужака.

Протектор также раздраженно обернулся и, не ограничиваясь взглядом, сварливо поинтересовался:

– Ну и что это ты делаешь? Мы же договорились, разве нет?

В этот момент я осознал, что, хотя понимаю речь шайна, обращаясь он ко мне не на новоингле и смысл его слов остался неясен для двух других людей, находившихся в комнате. Не обращая внимания на хозяина кабинета, шайн продолжал шипеть:

– На колени! Встать на колени!

Протектор не выглядел удивленным этим шоу, поэтому просто повернулся ко мне и поинтересовался:

– Ну и чего он хочет?

– Хочет, чтобы я встал на колени, – не стал закипать я.

– Вот мерзавец, – неожиданно спокойно отреагировал политик. – Первый протектор писал, что они пытались проделывать с ним эти шутки. А с Шестнадцатым и проделывали, пока тот не перестал встречаться с ними наедине.

Есть ситуации, в которых наиболее благоразумным выходом является молчание. Поскольку я утратил какое-либо представление о том, что происходит, то решил проявить благоразумие и лишь глуповато-нейтрально улыбнулся.

– Не встает, – на сей раз на новоингле и без какого-либо акцента констатировал пришелец. – Понимает, но не встает.

– Спасибо, мы уже поняли, – язвительно включился в беседу Маркус. – Ну что, достаточно убедительно?

Протектор пожал плечами, хотя у меня не сложилось впечатления, что он в чем-то убежден.

– Допустим, что ты прав. И какие нам из этого сделать выводы?

– Устранить, – меланхолично предложил шайн. – Можно сейчас. Я могу.

Мне начинало казаться, что я нахожусь не в кругу друзей. Резко встав, я отпихнул кресло к углу стола так, чтобы оно частично блокировало ближайший выход из-за него. Теперь, чтобы добраться до меня, чужаку потребовалось бы перепрыгнуть стол и пространство за ним, то есть добрых три метра. Оружия при нем я не видел и почему-то не сомневался, что он предпочтет сделать работу голыми руками. Маркус сдал свой пистолет на входе. У протектора, возможно, имелось что-то стреляющее в ящиках стола, но людей я не слишком опасался.

Брайсворт никак не отреагировал на мои телодвижения. Сейчас его интересовал лишь диалог с шайном, и речь шла о каких-то разногласиях, не ограничивающихся сегодняшним днем.

– А ты вообще знаешь какие-нибудь другие способы решения вопросов? – агрессивно поинтересовался протектор у того, кто наделил его властью. – Может, хватит превращать любое обсуждение в кровавую баню?

– Никто никого устранять не будет, – спокойно вмешался в разговор Маркус. – Я его привел, он уйдет со мной.

Несмотря на благие намерения обоих землян, у меня не было уверенности в том, что, когда пришелец начнет действовать, они смогут оказать мне хоть какую-то помощь. Шайн, однако, не двинулся с места, задумчиво разглядывая меня, как профессор энтомологии, наверное, смотрит на слегка необычного с виду таракана, гадая, обнаружил ли он новый вид или просто дефектную особь.

Убедившись, что слова гиганта не повлекут немедленного начала боевых действий, протектор вдруг решил перейти к представлениям:

– Господа, это Тим, один из безумных эльфов, с которыми я вынужден общаться. Почему Тим? Ну, так назвал его Первый, нужно же было к нему как-то обращаться. Своих имен они не сообщают. Очевидно, это ниже их достоинства.

Пара десятков тысяч историков и политологов отдала бы правую руку, чтобы услышать эти несколько фраз. У меня же разговоры об инопланетниках и насилии почему-то вызвали полузабытые воспоминания.

Сингапурский университет.

Факультет политологии, 1-й курс

143-й год Реформации

Профессор ксеносоциологии Шиив Ксаанатр был ганьшийцем, что привлекало к его лекциям массу студентов, в том числе и с негуманитарных факультетов. В университете он оказался единственным преподавателем-инопланетником, специализирующимся не на естественных науках, и одним из десятка тех, кому позволялось работать в земных учебных заведениях. Вводная лекция не обещала быть чрезмерно интересной, но все знали, как важно

проявить себя на первом занятии, чтобы попасть в элитную группу тех, кто будет заниматься с ученым до конца семестра.

Выглядело светило практически как любой другой профессор с местными корнями. Нарочито поношенный пиджак с не поддающимся описанию орнаментом, серые брюки свободного покроя, даже старомодный кожаный портфель на застежке. Среднего по земным меркам роста, среднего телосложения, с темными волосами. Две руки, две ноги, и определенно по пять пальцев на каждой. Наверное, чтобы доказать это, профессор носил открытые сандалии. Отличали мэтра Ксаанатра лишь глаза – пожалуй, слишком большие для землянина столь невзрачной внешности, а главное, пронзительно-бирюзовые до такой степени, что становилось понятно – подобного эффекта не достичь никакими линзами.

На новоингле профессор говорил мягким негромким голосом, с едва заметным акцентом, почему-то напоминающим тот, с которым общались жители протектората.

– Меня зовут профессор Шиив Ксаанатр. – Ученый едва заметно улыбнулся. – Впрочем, это вы знаете, поскольку иначе не пришли бы сюда, да еще и в таком количестве. Вы те, кто хочет знать о том, что находится за пределами вашего мира. Более ста лет назад перед вами открыли ворота во Вселенную, и земляне хлынули в них как бурный поток. Но Вселенная была заселена и до вас. Сотни цивилизаций возникли и развились без вашего влияния. Многие из них получили доступ к технологиям шайнов и смогли перемещаться в космос задолго до вашей Реформации. Но вы единственные, кому шайны построили ковчеги. Вы единственные, кто стал агрессивно колонизировать миры, находящиеся в других концах Галактики. Более шестидесяти планет в настоящее время заняты выходцами с Земли. Анакалийцы, вторая по распространенности раса, оккупировали лишь десяток планетных систем, причем все они расположены в их секторе Галактики. А ведь анакалийцы вышли в космос более чем на пятьдесят лет раньше землян. Напористость жителей вашей планеты, то место, которое она заняла в звездном сообществе, вызывают у вас ощущение собственной исключительности. За ним возникает чувство превосходства по отношению к остальным мирам, а за этим чувством – неуважение к чужим культурам и традициям, жажда дальнейших захватов, доминирования в среде развитых цивилизаций и навязывания им своих взглядов и интересов.

Аудитория смущенно, но недовольно загудела, несколько человек направились к выходу. Профессор взмахнул рукой, восстанавливая порядок:

– Я ученый, и моя работа состоит не в том, чтобы клеймить кого-то, навешивать ярлыки или сеять рознь. Ваш distinguished деканат пригласил меня для того, чтобы я представил вам другую картину. Не ту, которую вы получаете из книг земных авторов, и не ту, которую видите каждый день в репортажах «Всемирных новостей». Я постараюсь рассказать вам о том, что и как думают и чувствуют жители иных миров. Большинство из вас никогда не покинет Землю и никогда не ступит на поверхность иной планеты. Многие из вас впервые видят живого инопланетника и, вполне возможно, никогда больше не столкнутся ни с одним из тех нескольких тысяч, кому дозволено проживать вне Особого района. Я здесь не для того, чтобы объяснить вам, что есть истина. Я здесь для того, чтобы представить разные точки зрения и выслушать вашу. Кто расскажет нам о конфликтах между различными мирами?

Важный с виду юноша индийского происхождения первым поднял руку и получил слово.

– Устав Звездного сообщества запрещает вооруженные конфликты между его членами, а также применение силы в отношении иных планет. Поскольку все двенадцать основных миров пользуются технологиями шайнов и имеют предоставленные теми планетарные

системы безопасности, их захваты в принципе невозможны. Остальные миры не имеют ресурсов, достаточных для нападения и насильственной колонизации других планет. Кроме того, возможности звездных войн ограничены небольшим количеством кораблей, использующим Т-технологии, и их ценностью для владельцев. Дополнительным сдерживающим фактором служит необходимость физического восстановления человеческого организма в течение как минимум трех месяцев после Т-прыжка. Это означает, что посланные в военных целях корабли, их экипажи и десант должны будут находиться у объекта нападения не менее трех месяцев в автономном режиме, что также крайне затруднит успешную оккупацию.

– С какого вы факультета, молодой человек? – поинтересовался лектор под смехи аудитории. – Вижу, тема насилия вас весьма занимает.

– Моя фамилия Винтишьяку, я кадет Академии обороны, – гордо отрапортовал тот.

Хм, я совсем и забыл, что при университете недавно открылось отделение академии.

– А-а-а, – пробормотал профессор, чья планета вовсе не имела армии, – будущий военный. Теперь мы знаем, что занимает умы многих молодых землян. Хочешь мира – готовься к войне? Или хочешь войны – готовься к ней? Постараемся узнать это после перерыва.

Напряжение вокруг стола несколько спало, но делать меня частью обсуждения никто не собирался. Три персонажа в центре комнаты говорили каждый о своем, и ни один из них не был тем, кем казался.

– Мы не должны сейчас говорить о нем, – призывал протектор, явно имея в виду мою скромную особу. – Это не важно. Важно найти Книгу. Нужно отыскать их всех и взять ситуацию под контроль.

– Книга не важна, – отозвался шайн. – Мы знаем, что в ней. Мы должны решить, что делать с ним. Вы не понимаете.

– Это вы так говорите, – присоединился к дискуссии Маркус. – А мы хотим видеть Книгу. Это требование Совета. В любом случае нельзя, чтобы она попала в чьи-то руки или оказалась обнародована. Что, если они смогут находить друг друга, как когда-то?

– Я согласен, – поддержал шерифа Брайсворт. – Это недопустимо. Те, другие, наверняка уже ищут ее и ни перед чем не остановятся. Надо их опередить, они же вызвали Разрушителей. Что будет в следующий раз?

– Они не угроза. – Похоже, у шайна были проблемы с мультизадачностью, и сейчас его интересовал лишь один вопрос. – И те, другие, – не угроза. Вот он – угроза. Мы знаем. И Разрушители знают. Вы – не понимаете.

– Еще какая угроза, – раздраженно парировал Маркус. – Может, вы и позабыли, сколько миллиардов людей они уничтожили, а мы помним. Вы их породили. Мы их загнали в норы. Мы выиграли – вы проиграли. Вот и не мешайтесь сейчас.

У меня начинало складываться ощущение, что десять лет школы, пять лет Полицейской академии и три года университета не пошли мне на пользу. Я полагал, что неплохо знаком с историей своей планеты, но понятия не имел, кто такие «они», или «другие». А ведь, по мнению присутствующих, именно эти неприятные люди вызвали по мою душу розовоглазых, пафосно окрещенных в этой комнате Разрушителями.

Другой аспект дискуссии был мне куда ближе. Я мог помочь им сложить пазл. Не сказать «кто», но дать им понять «почему». Стоило ли делиться своими догадками со столь

странным собранием? Она этого не хотела. Она не обратилась к Маркусу, хотя могла. Тогда я не придавал этому значения, поскольку не знал об их родственной связи. Как и о том, что помимо шерифства дядя Даниэль имеет и подработку в некоем Совете, решающем вопросы в масштабах куда крупнее Мадагаскара.

Мне было ясно лишь одно – двое из присутствующих не желают мне зла и имеют ресурсы, достаточные для того, чтобы начать искать ответы. Я мог присоединиться к битве на их стороне или тихо сидеть в своей каморке в Опенгейте, ожидая то ли когда все разрешится, то ли следующий отряд убийц, и полностью утратить контроль над развитием ситуации. Моя роль одинокого мстителя окончена.

– Я знаю, где Книга, – наконец промямлил я.

Сингапурский университет.

Факультет политологии, 1-й курс

143-й год Реформации

Даниэль пихнула меня локтем в бок.

– Ай, – сказал я и проснулся под хохот аудитории.

– Добро пожаловать в наш мир, Эрик. – Профессор Кейтель, конечно, не мог удержаться.

Хорошо, что он хотя бы помнил меня по имени – пусть лишь как соседа своей любимой студентки: – Не хотите ли продолжить?

– Э-э-э... – воспроизвел я любимое вступление любого ученика профессора, застигнутого врасплох на лекции, и умоляюще посмотрел на Даниэль. Та под столом быстро накорябала «14» на своем планшете. – Восстание Четырнадцати.

– Невероятно, – восхитился ученый. – Он знает тему лекции.

Аудитория загукала, радуясь, что жертва на сегодня выбрана и это не кто-то из них.

– Почему бы вам не продолжить – а мы послушаем? Начиная с причин восстания.

– Да, конечно. – Накануне во время рейда в Кварталах Радости мне в жилет попали две пули из старой «беретты», что на ближайшие несколько дней делало меня героем полицейского управления Сингапура, и я был не в настроении пасовать перед каким-то бумажным червем. – Апогеем существования корпоративной власти считается создание сотен производственных центров, по сути представлявших собой концентрационные лагеря с населением в несколько десятков миллионов человек каждый.

Люди в них не имели каких-либо прав, помимо крыши над головой и питания на уровне прожиточного минимума. Работали они по двенадцать – четырнадцать часов в день, с одним выходным в месяц. В производственных центрах находились под запретом любые книги, религиозные обряды, собрания и митинги. Школьная программа ограничивалась обучением чтению, письму, а также знакомством с естественными науками в объемах, достаточных для неквалифицированного труда.

Допускались исключительно браки, носящие межрасовый характер. Лица различных национальностей перемещались между регионами в целях создания этнически нейтрального индивидуума, не имеющего привязки к какой-либо территории либо истории, не владеющего языками, помимо новоингла, неспособного проследить свой род хотя бы до второго колена. Дети в младенчестве изымались из семей и передавались под опеку администрации центров. Поощрялись отношения между лицами одного и того же пола, что ограничивало рождаемость. После ста лет подобной практики появилась, по сути, новая этническая, или, вернее, внеэтническая общность – варамайи.

Аудитория возмущенно загудела, но профессор, окинув всех твердым взглядом, хлопнул ладонью по столу, и ропот утих.

– Да, после Реформации данный термин выведен из официального оборота и считается непристойным на бытовом уровне. – Кейтель с удовольствием вклинился, поскольку обожал все противоречащее официозу. – Но мы здесь изучаем науки, и нам не должно быть дела до политеса. Все, кого коробит правда, могут поискать счастья на факультетах журналистики или изящной словесности. Жители производственных центров составляли до сорока процентов населения Земли. И хотя большинство из них погибли в ходе Восстания

Четырнадцать, варамайи до сих пор живут среди нас. Да, они в основном населяют Кварталы Радости и Мадагаскар. Напоминаю, что три-четыре процента наших сограждан имеют предков среди данной группы.

Этнически безупречный англосакс Джейк, чьи предки минимум десяток поколений не обременяли себя физическим трудом, приобнял Даниэль и что-то горячо зашептал ей на ухо. Та беззвучно захихикала, но не отодвинулась. Я с трудом держал глаза открытыми.

В моем мире «варамайи» было обыденным словечком. Некогда люди полагали, что метисы – красивые и смышленные особи. Ну что ж, как показал «прогресс» цивилизации, коктейль из белых, черных, китайцев, индусов, арабов и прочих национальностей, целенаправленно выведенный для рабского труда, не стал подарком нашему миру. Упрямые, туповатые, лживые и подлые, а часто и жестокие обитатели Кварталов Радости постоянно доставали полицейских.

Я старался не смотреть в сторону сидевшей рядом Акун До, тяжело дышавшей последние несколько минут. Акун, насколько я мог судить, была чистокровной варамайи. Если этот термин вообще применим к их роду. Поступление одной из них в университет являлось редкостью – обычно они не стремились к получению высшего образования. Что она делала здесь, на факультете политологии?

– Продолжайте, Эрик, – милостиво разрешил профессор, восстановив порядок.

– Создание производственных центров вызвало большое недовольство среди населения. – Особого выбора у меня не было, и пришлось снова обратиться мыслями. – Исходно предполагалось, что они будут заселяться преступниками. Но на протяжении десятилетий практика отбора развивалась, и на жительство в центр стали отправлять любых инакомыслящих.

Через сто лет после убийства Первого протектора Сенат, в то время контролировавшийся кланом Чжоу, принял «Акт о стабильности и процветании земной цивилизации». Данный закон официально отменял большинство и до того фактически не действовавших гражданских прав не только в производственных центрах, но и на всей планете. Полиции и специальным службам предоставлялись полномочия по внесудебному преследованию несогласных с режимом и применению в их отношении силы по своему усмотрению.

Акт был призван поддержать продвижение секретного плана, названного «Полный круг». Основной идеологией данной реформы стало возрождение кастово-сословного общества, где этнически и социально обособленная верхушка правила бы монокультурной массой, а именно варамайи. Планировалось создание еще большего количества производственных центров, а впоследствии – переводение в этот статус всех мегаполисов. Масса варамайи должна была со временем достигнуть девяноста процентов населения, сфокусированных на обслуживании остальных десяти процентов, в которые входили руководство корпораций, подчиненный им бюрократический аппарат, верхушка научно-инженерного сообщества и командование полиции и сил безопасности.

– Ладно, ладно, – одобрительно зафыркал профессор. – Не отнимайте мой хлеб, о подготовленный вы наш. Разберемся, что же произошло дальше. Как единодушно полагают современные историки, именно принятие Акта нарушило существование многолетнего статус-кво, где протектор фактически устранился от участия в земных делах, а население безмолвствовало, ибо страх ссылки в гетто был слишком велик.

Хотя содержание плана «Полный круг» засекретили, ввиду его масштабности доступ к

частям документа имели десятки тысяч служащих корпораций, вовлеченных в реализацию проекта. Пусть эти люди и могли рассчитывать на то, чтобы войти в заветные десять процентов новой элиты общества, некоторые из них сочли предложенную концепцию слишком радикальной. Другие подумали о том, что их личные риски в новом мире сильно возрастут, ведь они или их дети рискуют жить в постоянном страхе перед теми, кто находится на верхушке пищевой цепи и чья власть теперь вообще ничем не ограничена. В пределах года возникло то, что мы знаем как Комитет Четырнадцати.

– Итак, вот вы. – Профессор неожиданно ткнул пальцем в Акун До, как обычно на его лекциях прятавшуюся за спинами однокурсников. – Почему Комитет Четырнадцати известен как одна из величайших загадок истории?

Выбор профессора не показался мне странным. Любая варамайи, проявляющая интерес к социальным наукам, неизбежно являлась специалисткой по Восстанию.

– Для этого существовало много причин. – Голос Акун звучал уверенно, в отличие от ее обычной реакции на вопросы Кейтеля. – Во-первых, до сих пор неизвестны личности шести из четырнадцати членов комитета. Во-вторых, совершенно непонятно, где и каким образом эти люди могли встретиться и объединиться для организации восстания во всемирном масштабе. Известные члены комитета проживали в разных городах, занимали разное социальное положение, работали в различных сферах. Нет никаких обоснованных гипотез о том, где и как состоялось их знакомство, тем более в условиях тотального контроля коммуникаций. В-третьих, непонятно, каким образом они привлекли на свою сторону целый ряд элитных полицейских подразделений. Наконец, никто не знает, откуда о начале переворота узнали в производственных центрах и почему восстание поддержали варамайи.

Есть мнение, что именно их действия привели к расколу элит. Варамайи считались абсолютно контролируемой массой безликих существ, не имеющих какой-либо идеологии и устремлений, помимо выживания. Их восстание означало крах плана «Полный круг», поскольку стало ясно, что он неспособен обеспечить стабильность системы, что являлось основным аргументом для его продвижения.

– Достаточно, – махнул рукой профессор. – Мы неплохо поработали сегодня. А теперь все вон – у меня через пять минут покер с деканом химического факультета.

Вопреки ожиданиям, мое заявление не вызвало эффекта разорвавшейся бомбы. Возможно, участники встречи и надеялись на подобный результат.

– Значит, она все же знала, – первым отреагировал Маркус и разом осунулся.
– Знала, но не сказала тебе. – Вряд ли шайн хотел съязвить, просто констатировал факт. – Я думал, родственные связи среди людей много значат. Она должна была сказать тебе. Почему не сказала?

– Она не входила в ложу, – огрызнулся Маркус. – Но могла узнать достаточно, чтобы понять – в этой игре нет праведников. Наверное, хотела добыть Книгу сама. А что она собиралась делать после этого – понятия не имею. Зная ее, думаю, что решила бы после прочтения.

– Она не смогла бы прочитать Книгу, – просветил присутствующих инопланетник. – Зачем ей Книга, которую нельзя прочитать?

Протектор окинул «Тима» очередным неприязненным взглядом и с издевкой предложил:

– А ты догадайся.

– Это очевидно, – устало сказал шериф. – Она знала не только о Книге, но и о нем. Он должен был выкрасть Книгу для нее. А потом прочитать. Он мог сделать и то и другое.

– Что-то она вообще очень много знала. – На сей раз Брайсворт напустился на своего приятеля-землянина. – И откуда она, интересно, почерпнула все эти сведения? И если от тебя, а других вариантов я что-то не вижу, – то кто это санкционировал?

– Хочу тебе напомнить, – терпеливо парировал законник, – что с ним она познакомилась за много лет до меня. Или ты полагаешь совпадением, что они вдруг оказались в одной группе на одном факультете одного университета? Она могла поступить в любое заведение, с ее-то школьными баллами и семейными связями. И как, по-твоему, они стали закадычными друзьями? Ты на него посмотри – похоже, чтобы он вообще был способен заинтересовать такую, как Даниэль?

Мне сильно захотелось съездить заботливому дядюшке по лицу, но я, разумеется, сдержался, решив попридержать свои реплики до момента, когда троица натешится междусобойчиком. Их разборки могли родить на свет хоть какое-то подобие истины, в то время как, переключившись на меня, они начали бы кормить гостя очередными байками.

– Это правдоподобно, – неожиданно выступил третейским судьей шайн. – Но если она не работала ни на Совет, ни на протекторат, ни на нас, ни на зеленых – то на кого она работала?

На добрых шестьдесят секунд в комнате повисло молчание, поскольку у трех из участников, похоже, закончились версии, а я предпочитал помалкивать.

– Ну она была девушкой умной, – наконец неуверенно сказал Маркус. – Историей увлекалась со средней школы. Я не знаю, что ей там рассказывали Ральф и прочие родственники, – а они знали немало. Потом повзрослела, у нее появилась куча связей плюс статус в АСР. Многие могла узнать и понять сама...

– Могла, могла, – раздраженно вклинился протектор. – Ты же сам только что утверждал, что ее дружба с этим, – последовал довольно пренебрежительный кивок в мою сторону, – не была случайной. И где она в свои двадцать лет после школы и Академии АСР могла всего этого набраться?

– Полагаю, что в АСР, – предположил шериф. – Эрик был ее побочным заданием. Она могла работать на зеленых, сама не подозревая об этом. Потом узнала слишком много, и ее устранили. Решили, что он тоже что-то знает, и попытались убрать и его.

– Из твоих слов следует, что ложа окопалась в АСР, – заключил протектор. – Это опасное предположение. Мы не сомневались, что они подбирают ключики к земным властям, и не исключали, что им это удастся. Но если они в верхушке одной из наиболее закрытых правительственных корпораций – значит, мы их недооценили. Нам нужно полностью пересмотреть все, что мы делали последние пятьдесят лет. Мы излишне расслабились и размякли, а враг не дремал.

– В ваших словах нет логики, – как обычно меланхолично вмешался шайн. – Вы думаете, что перед вами тот же враг, что и сто пятьдесят ваших лет назад. Просто потому, что не знаете другого. Вы искали знакомые следы по крохам, которые вам подкидывали. Вы видели попытки изменить мир и приписывали их тем, кто вам известен. Иногда вы ловили их агентов, и те сознавались, что работают на Зеленую ложу. Но вам никогда не удавалось продвинуться дальше. Теперь мы знаем почему. Это не Зеленая ложа пыталась проникнуть в правительство. Это внутри правительства зрели тайные силы. А поскольку вы не знаете, кто они и какие цели преследуют, ваше положение проигршно. Они открыто приступили к

агрессивным действиям, показав, что обладают ресурсами, которых у вас нет. Мне надо идти.

Ожидаемо забыв попрощаться, инопланетник направился к балкону. Протектор обреченно последовал за ним, очевидно, чтобы исполнить некий ритуал расставания. Я не заметил на террасе каких-либо летательных приспособлений, поэтому не мог предположить, как шайны возвращаются на «Грозное облако», которое обычно висело над Рапа Нуи. Выяснить их тайный способ передвижения мне так и не удалось, поскольку как только протектор и шайн покинули комнату, туда зашла знакомая нам Лиана и любезно предложила проследовать в зал ожидания.

Прождали мы более часа. Наверное, Брайсворту все же было о чем поговорить со своим гостем. А может, он просто решил пообедать от души. Нам с Маркусом предложили лишь напитки и фрукты.

Между тем мое обучение основам истории продолжалось. Я бродил по большому залу, предназначенному для совещаний протектора со сливками своего аппарата. По периметру помещения стояли четырнадцать статуй, и из количества несложно было сделать вывод о том, кого они представляли. Статуи либо портреты членов Комитета Четырнадцати украшали офисы многих чиновников.

Они являлись атрибутами любого исторического музея, а я немало посетил их в молодости, когда любой побег из кампуса Полицейской академии становился маленьким праздником, а отсутствие средств вело в те места, куда юного кадета пускали бесплатно. Те, что я видел сейчас перед собой, не были наиболее впечатляющими образчиками ни с точки зрения размеров, ни мастерства создавшего их скульптора. Но они определенно вызвали бы нервный припадок у любого преподавателя истории на планете.

Считалось, что достоверно установлены личности восьми членов комитета, и все они погибли в ходе Восстания. По наиболее распространенной гипотезе, шестерым удалось выжить, и они не стали настаивать на благодарности человечества. Неудивительно – дворцовый переворот превратился в массовое побоище, и отнюдь не все жители планеты и по сей день разделяли точку зрения о том, что оно того стоило.

Кроме того, немало историков считало, что мотивы Четырнадцати основывались отнюдь не на идеалистическом желании принести человечеству свободу. Целый ряд монографий приводил достаточно убедительные аргументы в пользу того, что речь шла о клановой борьбе внутри корпораций, где ряд представителей мидл-менеджмента трех из четырех олигархических пирамид восстал против усиления семейства Чжоу и их методов руководства.

В любом случае решительно по всей планете Четырнадцать изображались как восемь мужей, с сурово-горделивым видом указывающих человечеству путь к свободе, и шесть их собратьев в масках. Но не в этом зале. Здесь лица имелись у всех. Я медленно обошел помещение, вглядываясь в каждое из них. Поясняющих надписей на скульптурах не обнаружилось. Разумно, раз сюда иногда попадали жители внешнего мира.

Брайсворт вошел в зал с озабоченным видом, но сразу повеселел, увидев мое замешательство.

– Неплохо, правда? – Протектор наслаждался произведенным эффектом. – Обычно я приглашаю сюда историков и политологов, если хочу, чтобы они работали на острове. Как думаете, сколько из них соглашается, увидев подобное? Все, все до одного. А сделай мы

надписи – половина на месте сошла бы с ума. Некоторые слегка и сходят – но позже, да.

– А зачем вам историки и политологи? – озадаченно поинтересовался я.

– Мне они не нужны, – разом помрачнев, раздраженно ответил протектор. – Они нужны чертовым кукловодам. Как появляются, так сразу начинают со списка имен и требуют, чтобы всех их срочно перевезли на остров. Как думаете, легко уговорить переселиться на этот клочок земли и хорошо устроить сто-двести семейств в год? Да так, чтобы те бросили свою обычную жизнь без шанса вернуться к ней?

И поверьте, там редко фигурируют повара и сантехники. Ученые, журналисты, бизнесмены, чиновники. У меня целый департамент из пятидесяти человек занят тем, что выискивает методы убеждения этих бедолаг. Конечно, уговорить удастся не всех. Тогда мне начинают рассказывать о том, что я не справляюсь со своей работой, и угрожать то тем, что заменят, то отключением от спутников. И предшественникам угрожали, так что у нас уже сто пятьдесят лет высоких отношений любви и взаимного доверия.

Выплеснув на меня весь негатив, видимо напрямую связанный с визитом шайна, хозяин острова осекся и гораздо более спокойным и деловитым тоном предложил определиться со следующими шагами. Дремавший до сих пор в кресле Маркус очнулся и с энтузиазмом поддержал идею планирования боевых действий. Во всяком случае, иного определения мне на ум не пришло.

Я наивно полагал, что после исторического экскурса и жалоб на шайнов с их странными просьбами встреча начнется с просвещения меня о том, что, собственно, происходит. Только вот делать этого никто не собирался. Первые полчаса старейшины оживленно обсуждали всех агентов таинственной Зеленой ложи, избалованных за полсотни лет. Поскольку некоторых из злодеев поймали относительно недавно, я почти собрался вклинить предложение передопросить их, но все же догадался, что подобные идеи не звучали по весомым причинам. Эти люди занимались политическими боями без правил, и пленные в их мире жили ровно столько, сколько необходимо.

Агентов оказалось не так много, а полученных от них сведений, которые могли бы выдержать хоть какую-то проверку, и вовсе с гулькин нос. В итоге протектор и шериф нехотя признали правоту шайна – никаких достоверных данных о том, что на Земле продолжает действовать Зеленая ложа, нет. Есть некая могущественная сила, пытающаяся влиять на политику властей, но ее конечные цели неизвестны. По итогам дискуссии оба участника обменялись растерянными взглядами. Я понимал их замешательство. Сложно бороться против сильного, но абсолютно неизвестного врага, не понимая его целей, а значит, не будучи в состоянии предугадать его шаги.

В общем, плана боевых действий как такового, естественно, не получилось. Сошлись на том, что Маркус доложит о находках своему Совету, а протектор проведет совещание и переориентирует соответствующим образом работу своих аналитических и оперативных служб. Обсуждение будущего агента Старгарта заняло аж пару минут. Идея о моем возвращении в мир, будь то Опенгейт или Сингапур, была сразу отмечена. Протектор предложил временно укрыть меня на острове, где я находился бы в безопасности до прояснения ситуации. Мысль о том, чтобы пожить несколько недель на Мальте, мне понравилась. С учетом болтливости Брайсворта я подумал, что именно здесь смогу узнать немало интересного, а может, и сложить части головоломки.

Придя к консенсусу, мы решили проводить Маркуса до бота. Путь из зала совещаний также проходил через значительное количество бронированных дверей, но в сопровождении

протектора мы двигались гораздо живее, а при нашем появлении охрана вскакивала и вытягивалась по струнке, что вкупе со стойкой моделей-секретарш заставило меня заподозрить хозяина башни в некотором самодурстве. Четверо охранников в сером присоединились к нам на выходе из зала. Меня мучил вопрос, являются ли они почетным караулом или протектор постоянно передвигается с подобным эскортом, не чувствуя себя в безопасности даже дома. Задавать его я, конечно, не стал.

Перед выходом на площадку Маркус получил свою «беретту» модификации 2043 года. Шлюзовая дверь распахнулась, и наша маленькая процессия очутилась под голубым мальтийским небом. Выход был обращен на запад, и я на мгновение оказался ослеплен лучами заходящего солнца, успев заметить лишь силуэты восьми гвардейцев, стоявших в ряд вдоль края площадки, и почему-то задраенный люк ожидавшего нас бота. В воздухе висел едва уловимый запах. Я знал, что это. Схватив шерифа, я швырнул его за ближайший к нам флаер Черной гвардии, и прыгнул следом.

Мой маневр и вопль «Атака!» дошли до сознания охраны протектора с небольшой, но фатальной задержкой. Как в замедленном повторе видео, я видел их тянущиеся к кобурам руки и движения, призванные уложить протектора на пол. Восемь штурмовых винтовок за долю секунды залили вход на площадку ливнем из нескольких сотен пуль. Жилеты телохранителей не защищали от прямых попаданий из армейского оружия, да это оказалось и не важно. На моих глазах их головы и конечности взорвались кровавыми фонтанами, а обрубки тел в защите отбросило к дверям. Находящегося между ними Брайсворта буквально разорвало на сотни мелких кусков плоти, обильно окрасивших площадку кровью.

У меня не было времени оплакивать погибших, поскольку я не сомневался, что целью нападавших являлись не они. Маркус вырубился от удара о борт и вышел из игры. Я выхватил «беретту» из его кобуры и, не имея представления о том, на какой эффект могу рассчитывать, высунулся из-за флаера, открыв огонь по атакующим. Пистолет шерифа обладал отдачей, которая могла представлять серьезную проблему для неопытного стрелка, а скорострельность заставляла пожалеть о том, что вместо огнестрельного оружия у меня в руках не набор метательных ножей.

Тем не менее я успел произвести четыре выстрела, всадив по пуле в шлемы четырех нападавших, прежде чем остальные снова принялись поливать площадку огнем. Пули из древней «беретты» не пробиты тактические шлемы Черной гвардии, но удар в голову имел мощное оглушающее воздействие, и уложенные мною субъекты лишь слегка подергивались на земле, когда я выглянул еще раз, чтобы произвести очередную контратаку. Теперь я обнаружил перед собой только одну движущуюся цель, лавирующую между флаерами. Уложив живчика выстрелом в голову, я засек троих оставшихся, также пытавшихся подобраться поближе под прикрытием флаеров и ботов.

Площадка была достаточно большой, а чтобы убедительно изобразить охрану Черной гвардии, убийцам требовалось стоять по периметру, то есть почти в сотне метров от входа. Вдвойне мудро с учетом того, что использование штурмовых винтовок позволяло им не заботиться о точности и дальности стрельбы, в то время как охрана протектора с трудом смогла бы производить прицельные выстрелы на таком расстоянии, находясь против солнца.

Поразив в этих условиях из пистолета пять мишеней кряду, я впечатлил нападавших, и те вынужденно изменили свою тактику. Теперь они крались примерно в шестидесяти метрах, достаточно споро, но осторожно приближаясь с трех сторон. Они знали, на кого охотились, так что рукопашная не входила в их планы. Я предполагал, что будет дальше, и не ошибся.

В воздухе мелькнул небольшой серебристый цилиндр и упал, не долетев до нас добрых десять метров. Выстрелом я отшвырнул его под ближайший тяжелый бот и вжался в пол. Раздался негромкий хлопок, и повеяло сильным жаром.

Впрочем, эффект длился недолго, а у меня не было времени расслабляться. Едва подняв голову, я заметил еще два цилиндра, летевших с разных сторон прямо на нашу позицию. Я успел попасть в оба на лету, на мгновение создав в небе два новых солнца диаметром метров десять каждое. Одну из гранат отбросило к метавшему, и я услышал сдавленный крик, заглушенный шлемом, вслед за чем в воздухе снова появился запах горячей плоти, замеченный мною при входе на площадку. Их оставалось двое, и я не собирался выяснять, есть ли у них еще термические бомбы или что-то похуже. Запрыгнув одним движением на крышу флаера и тут же перепрыгнув через два соседних, я оказался за спиной одного из выживших. Он слышал мое приближение, но я двигался слишком быстро, а тяжелая амуниция не позволяла ему реагировать как должно.

Возможно, мне стоило бы подумать о последующем допросе, но на площадке остались как минимум пятеро оглушенных, и я не видел нужды рисковать. Черный как смоль комбинезон из пластинчатого полимера закрывал все, включая шею, а голову покрывал цельный черный шлем. Весь костюм выглядел неуязвимым для моего пистолета, да и смысл в перестрелке на такой дистанции отсутствовал напрочь. От правого края площадки нас отделял всего пяток метров. Выбив одним ударом винтовку из рук боевика, я схватил его за ногу и резким движением швырнул вниз.

В игре оставался последний боец. Той пары секунд, что я потратил на предпоследнего, хватило, чтобы убийца сменил позицию и почти добрался до ворот, где в укрытии лежал Маркус. Я уже приготовился к очередному прыжку, который точно не порадовал бы мое раздробленное колено, когда створки выходящих на площадку дверей башни резко разъехались. Нападавший успел лишь повернуться на звук, когда выстроившаяся в два ряда дюжина гвардейцев открыла огонь из таких же винтовок, что и у него в руках.

Надо сказать, броню действительно сработали на славу. Я так и не увидел никаких разрывов, которые нарушили бы ее целостность. Шквал пуль бросал тело вверх и вниз, как жалкую марионетку в руках взбесившегося кукловода. Через несколько секунд все было кончено. Гвардейцы вперемешку с охраной протектора потоком хлынули из дверей, рассредоточившись по площадке. Одновременно над ней навис десятков ботов и флаеров, ощерившихся всеми возможными видами вооружений.

Бледный как полотно капитан гвардии, встречавший нас по приезде, подошел к не подающему признаки жизни телу, облаченному в ту же форму, что была на нем самом, и заученным движением откинул шлем. Если в Черной гвардии и завелись предатели, установить это пока не представлялось возможным. Насколько я знал, варамайи среди гвардейцев, как и всего населения Мальты, не водилось.

Я достаточно долго проработал в полиции, чтобы представлять себе, как может выглядеть место атаки хорошо вооруженных террористов на крупного чиновника сразу после ее завершения. Не по личному опыту, разумеется. На Земле подобного не происходило уже около сотни лет, и я как наяву видел растерянные лица полицейских чинов, судейских и политиканов всех мастей, топчущихся по границам зоны нападения и понятия не имеющих, что делать. На остальной части планеты, но не здесь. Может, у них даже имелся специальный протокол – «Убийство протектора в своей башне». Или они проходили подготовку получше моей.

Вся битва на самом деле заняла около минуты. За этот срок диспетчерская башни мобилизовала и пригнала на площадку минимум три десятка бойцов в черном и их серых собратьев, а также обеспечила поддержку с воздуха. Гвардейцы моментально рассредоточились, попытавшись захватить контуженную пятерку и их обожженного товарища. Слаженность их действий, однако, не смогла предотвратить новые жертвы.

Притворявшийся бессознательным заговорщик успел задействовать термогранату, разом испепелив себя и трех соседей, а заодно причинив тяжелые ожоги пяти гвардейцам, попавшим в зону поражения. С единственного оставшегося на площадке живого противника люди в черном содрали свою униформу и поволокли его, голого и полуобморочного, внутрь башни.

Сразу по получении сигнала об окончании зачистки власть перешла от гвардии к гражданским. Распоряжалась на месте наша знакомая Лиана, чей статус в островной империи я явно недооценил. Ее команды беспрекословно выполнялись всеми военными и полицейскими чинами, объявившимися у входа на площадку. Посторонним приказали покинуть поле боя, куда тотчас хлынул поток роботов-криминалистов, неплохо знакомых мне по предыдущей работе. Я успел заметить, как один из следователей открыл люк нашего бота и отшатнулся от зрелища внутри. Да уж, термогранаты показали себя достаточно эффективным оружием.

В это же время рыжеволосая красавица, не проронив ни слезинки по погибшему боссу, резким голосом требовала от окружающих немедленно установить карантин на острове, собрать и проанализировать записи всех камер башни и приписанных к ней патрульных дронов за последние сутки и подготовить сообщение о гибели протектора в результате несчастного случая. Приказы никого не удивляли, и ответственные исчезали из поля зрения по мере их получения.

Хотя Лиана ни разу с нами не заговорила, мы с Маркусом не могли пожаловаться на недостаток внимания. Моей ногой уже занимался врач при помощи медицинского робота, а шериф получил какой-то укол, приведший его в чувство. Несмотря на то что в коридоре толпилась местная охрана, за нами приглядывали четверо серьезного вида молодых людей, не отрывавших пальцев со спусковых механизмов крепко сжатых в руках автоматов КРС-122. Расположились они так, чтобы постоянно находиться между нами и всеми остальными. На спинах жилетов значилось «Полиция Хоуптауна. Спецназ». Однозначно юная леди неглупа. Без предательства кого-то внутри системы здесь не обошлось. Полиция не являлась частью данной проблемы, благодаря чему получила кредит доверия.

Пусть и не у всех. Очухавшийся Маркус не был настроен слишком благодушно, поэтому,

растолкав охрану, потребовал у Лианы немедленной эвакуации с острова. Та не стала тратить время на препирания и, ткнув в делового вида юношу в штатском, приказала, чтобы тот обеспечил наш отъезд с соблюдением всех возможных мер безопасности. Мажор в модном костюме коротко кивнул, и через минуту наша охрана увеличилась уже до двенадцати единиц, причем в их состав входили не только местные законники, но и молодые люди без униформы, несколько нервно сжимавшие в руках КРС-122а – облегченную модификацию автомата спецназа.

Еще через пару минут наша процессия уже спускалась по лестнице на нижние этажи башни. Мне предложили помощь, но я отказался – после обезболивающего укола колена почти не беспокоило. Другое дело, что там от него осталось и сколько времени потребуется на новую склейку. Точкой назначения оказался гараж, где нас ждало несколько внушительного вида бронемобилей, украшенных личным гербом протектора. Обычно ими наверняка управляли люди в сером, но сейчас возле транспорта с напряженными лицами дежурил еще пятеро юношей в штатском.

Мы загрузились в три машины и на бешеной скорости выкатили сначала на главную аллею дворца, а затем и на широкий проспект, ведущий к окраине города. Улицы опустели, лишь на перекрестках маячили патрули полицейских и гвардейцев. Ни разу не притормозив, наш кортеж, разогнавшись до добрых ста пятидесяти километров в час, выскочил из Хоуптауна и понесся к южной оконечности острова.

Через несколько километров нас встретили четыре легких танка Черной гвардии, два из которых заняли позиции спереди, а два – сзади броневииков охраны. Так и не снизив скорости, кавалькада преодолела следующий десяток километров, чтобы оказаться перед одиноко стоящим холмом. При нашем приближении в нем образовался впечатляющего размера проем, в который и провалился весь конвой.

Под землей скорость резко упала. Справа и слева вдоль сузившейся до одной полосы проезжей части замерли гвардейцы. Теперь на их обмундировании можно было разглядеть эмблему в виде головы орла – такую же, как и на сопроводивших нас танках. Наконец кортеж остановился. Полицейские и мальчики в штатском высыпали наружу, мгновенно создав ощетинившийся автоматическим оружием периметр. Расслабляться никто не собирался даже здесь.

Следуя приглашению нашего провожатого, откликнувшегося на имя Кит, мы с Маркусом выползли из броневика. Огромный, хорошо освещенный зал простирался во все стороны на километры. Мы оказались на главной площади подземного поселения, способного вместить как минимум несколько десятков, а может, и сотен тысяч жителей. Архитектура выглядела аскетичной, и большинство зданий смахивало на казармы. Яркие лампы сверху давали ультрафиолет, так что улицы смогли засадить небольшими деревцами, а поодаль я заметил обработанные под посеvy поля.

Гвардейцы своими танками блокировали все четыре дороги, ведущие к площади, и заняли оборону, создав второй периметр. При нашем с Маркусом появлении, спокойно пройдя армейский кордон, к машинам подошли трое в черном, судя по эполетам и возрасту – старшие офицерские чины. Наши спецназовцы тут же взяли их на прицел, на что гости не обратили никакого внимания. Седовласый вояка лет семидесяти, чей вид излучал непоколебимую уверенность в себе, вышел вперед и представился:

– Я генерал Карл Шварцкопф, командующий. Добро пожаловать на базу Черной гвардии «Каменный орел». Уверен, что мы сможем решить вашу проблему.

– Очень на это надеюсь, папа, – еле слышно пробормотал Кит.

Генерал оказался гостеприимным, хотя и требовательным хозяином. Для начала нашей охране предложили зачехлить оружие. Молодой лейтенант, командующий спецназовцами, подчинился, но настоял, что будет сопровождать нас все время нахождения на базе, против чего армейские возражать не стали. А вот мальчиков в штатском во главе с Китом неожиданно разоружили и увели в неизвестном направлении подчеркнуто любезные военные. Определенная логика в этом была – если полиция пока оставалась вне подозрений, то сотрудников аппарата протектора до окончания расследования стоило держать под присмотром.

Экскурсии в программе визита не значились, и нас сразу сопроводили в помещение штаба базы, смахивающее на крепость внутри крепости, что меня вполне устраивало. Здесь генерал деловито осведомился, желаем ли мы покинуть остров прямо сейчас или несколько позже – если у нас здесь остались какие-либо дела. Я подумал, что неплохо бы похоронить бедных Флика и Флака, погибших весьма прискорбной для ветеранов смертью на родной планете, но озвучивать свою мысль посчитал неуместным. Маркус довольно конкретно изъявил желание убраться как можно скорее. Последовал логичный вопрос о том, что является для нас предпочтительным местом назначения.

Здесь нам пришлось взять паузу и удалиться на приватное совещание в один из свободных кабинетов. Бегство не решало ни одной из моих проблем в долгосрочной перспективе. Мы не могли выйти из игры и надеяться, что протекторат, шайны или загадочный Совет Маркуса изобличат и устранят заговорщиков. Выход напрашивался один. О нашем присутствии на острове во внешнем мире никто не знал. Шериф по-прежнему возглавлял следственную группу, получившую значительные полномочия от АСР, а я по-прежнему числился привилегированным пациентом в местном госпитале. Если лучшая защита – это нападение, для продолжения борьбы придется вернуться под опеку разведки.

Только вот явиться в Спейстаун на гвардейском боте мы никак не могли. Узнай руководство агентства о визите на Мальту и нашей роли в произошедшем, группу Маркуса расформировали бы и мы оба лишились доступа к ресурсам, необходимым для расследования. Шериф признался, что выбил бот под поездку на Мадагаскар, а значит, нам нужно было оказаться в мятежном анклаве и запросить эвакуацию оттуда по каналам АСР. Старый лис уже придумал объяснение гибели бота и наших телохранителей – на мадагаскарские нравы можно было списать что угодно.

Дистанцируя нас от смерти протектора, с точки зрения личной безопасности план представлялся ужасным. На острове охотиться на нас мог кто угодно, а убийство не повлекло бы даже имитации расследования. С другой стороны, по заключенному договору Мадагаскар находился вне зоны наблюдения спутников Всемирного правительства и выследить нас могли лишь весьма старомодными методами. А еще там мы могли рассчитывать на поддержку корпуса шерифов.

Маркус огласил пункт назначения гвардейцам, и, судя по реакции генерала и его подчиненных, нас определенно сочли парой сумасшедших. Но вояки любят смелых, поэтому наш авторитет заметно поднялся. И вот, менее чем через два часа после погружения под землю, мы уже шли к площадке штурмовых ботов, окруженные плотным кольцом из полицейских спецназовцев и офицеров гвардии. Кортёж снова состоял из трех машин, на сей раз летающих. Официальным предложением для полета стала передислокация ботов на

Реюньон – базу корпуса Черной гвардии «Гигантская черепаха».

Пролетая параллельно побережью Мадагаскара, боты должны были совершить нырок в глубину океана, в подводном положении преодолеть системы безопасности острова и высадить нас на одном из безлюдных пляжей. О точке назначения знали лишь генерал, трое наиболее доверенных офицеров да шесть пилотов, по два на каждый из аппаратов доставки. Передислокация не стала просто предлогом – ботам надлежало прибыть на Реюньон и поступить в распоряжение местного командующего сроком на месяц.

Отец исчезнувшего в неизвестном направлении Кита важно кивнул нам на прощанье, спецназовцы отдали честь, как коллегам по цеху в сложном положении, гвардейцы проводили сочувственными взглядами. Большинство из них понятия не имело, куда мы направляемся, а так, возможно, и всплакнуло бы. С сентиментальным настроением, впрочем, быстро разобрался наш пилот, сквозь зубы порекомендовавший пристегнуть ремни. Наверное, перспектива провести месяц на Реюньоне не представлялась ему столь уж радужной. Крыша над нами разъехалась в стороны, и боты рванули в небо.

Штурмовой бот Черной гвардии оказался штукой быстрой, а совет пристегнуться покрепче – нелишним. Пронесясь над севером Африки и обогнув Новую Столицу, машины вышли в заданную точку Индийского океана и рухнули вниз. Удар о воду чуть не вышиб из меня дух, а судя по малоцензурному бормотанию пилотов, хотя их аппарат и был рассчитан на подобные развлечения, превращение из летчиков в подводников не вызывало у них никакого энтузиазма. Нам предстояло погрузиться на глубину в несколько сотен метров, почти предельную для машин такого класса.

Остров изолировали системой безопасности, включающей виртуальную стену в тридцати километрах от берега, патрулируемую кучей надводных, подводных и летающих дронов. Предполагалось, что запертые в анклав злодеи никуда не денутся, а к ним никто не проникнет без согласия властей. О чем умалчивалось, так это о том, что дроны действуют на глубине до трехсот метров. Власти полагали, что этого вполне достаточно, поскольку любые плавсредства, кроме рыбацких лодок, на острове были запрещены, а материалы и технологии для изготовления подлодки отсутствовали. Для военной же техники ограждение большой проблемой не являлось.

Бот продвигался очень медленно, соблюдая режим тишины – рисковать зацепить сигнализацию никто не хотел. Как следствие, морская прогулка заняла добрых шесть часов, в ходе которой нам с Маркусом оставалось лишь пялиться друг на друга в гробовом молчании. Наконец интерком недовольно хрюкнул:

– Десантирование через пять минут.

Мы дружно потянулись, слегка недоумевая по поводу формулировки задачи.

Все стало гораздо понятней, когда верхний люк открылся и внутрь хлынула морская вода, промолив нас до нитки. Одновременно сверху вывалилась раскладная лестница, недвусмысленно приглашая пассажиров на выход. Неохотно выползая наружу, мы обнаружили, что бот качается на волнах в паре сотен метров от берега, слегка выступая из воды. Ну что ж, секретность так секретность. Правда, я запомнил, на каком из этапов совещания с генералом мы с Маркусом упоминали о том, что умеем плавать. К счастью, шериф не выглядел растерянным, так что я предположил, что проблемой следующая часть путешествия не станет.

Уже была глубокая ночь, и никаких признаков жизни на пляже не наблюдалось. Мы

погрузились в теплую воду и не спеша поплыли в сторону берега. Не погудев на прощанье, наши провожатые погрузили аппарат в пучину, сочтя свою миссию выполненной.

Я не жаловался на слух или зрение, теперь не подводившее меня даже в ночное время, но тот факт, что комитет по встрече все же будет, дошел до моего сознания, лишь когда ноги ощутили под собой твердую почву. Деваться, впрочем, было некуда, и я как мог уверенно вышел на берег. Поездка подразумевала соответствующую экипировку, поэтому из резервов гвардии мне изыскали шорты цвета хаки, с которых военным каким-то образом удалось свести голову орла, оставив заметное блеклое пятно. Шорты дополняла черная футболка, аналогично лишенная опознавательных знаков, зато теперь с грязно-коричневым пятном на груди. Армейские врачи сняли с больной ноги слишком технологичный для Мадагаскара восстановительный чехол, заменив его фиксирующей повязкой из бинтов, которые, как меня уверили, должны продержаться минимум семьдесят два часа в любых условиях.

На ногах красовались чересчур современные кроссовки – ничего древнего подчиненные генерала добыть не сумели. Плюсом стал их черный цвет, не позволяющий определить модель ночью. В нагрузку к одежде мне выдали непроницаемый пластиковый мешок без каких-либо маркировок, в который заботливо уместили некоторый запас еды, медикаментов, а также двадцатипятизарядный «зиг зауэр пауэр» 2048 года выпуска. Понятия не имею, где они его раскопали, но к пистолету прилагались два полных магазина. На пояс я прилепил армейский нож в стилизованном под кожу чехле.

Маркус остался при своей «беретте», отказавшись брать дополнительное оружие, хотя я и потратил кучу патронов из его единственной обоймы, поскольку все запасные сторели в боте вместе с беднягами Фликом и Флаком. Ножа вне острова он не носил и получил гвардейский образчик, аналогичный моему.

На берегу мне предстояло определиться с дальнейшими действиями. В сотне метров, скрываясь под сенью деревьев, за нами наблюдали минимум пятеро. Предположив, что это не очередная бригада профессионалов высокого полета, я попытался сообразить, какие неприятности могут нас ждать. Современного либо армейского оружия на острове не водилось, так что нападающие располагали либо древними пистолетами, либо винтовками. Чтобы воспользоваться пистолетами, им требовалось подойти гораздо ближе – прицельная стрельба с сотни метров, да еще и ночью, решительно невозможна. А вот хорошее ружье с ночной оптикой в руках опытного стрелка представляло нешуточную угрозу. Обнадеживало, что пока в нас никто не стрелял.

Я неторопливо стащил через голову футболку и тщательно ее отжал. Современный материал сразу стал сухим. Прodelать ту же процедуру с шортами я постеснялся – не хотелось оказаться перед потенциальным врагом без штанов. Поняв по моему поведению, что что-то не так, Маркус положил перед собой приоткрытый пластиковый мешок. Наши гости, очевидно, увидели достаточно и не спеша вышли на пляж. Да, их было пятеро. Ножи болтались на поясе решительно у всех, а у двоих в руках блестели здоровенные мачете.

Неопределенный цвет кожи, неопределенные, как будто размытые, черты лица на фоне мощного телосложения – нам выпала сомнительная часть пообщаться с варамайи. На груди у каждого темнел значок из какого-то низкокачественного сплава – христианский крест с большим оскалившимся черепом в центре. Я не был силен в местной геральдике и вопросительно посмотрел на своего спутника. Тот оставался неподвижен, внимательно наблюдая за приближающейся пятеркой. Судя по выражению его лица, столкнулись мы

отноюдь не с фермерами.

Обладатели странных значков остановились в трех метрах от нас. Двое с мачете зашли с боков, но, судя по поведению, они пока не определились в дальнейших действиях. Гости не видели, что у нас в мешках, но предположение о том, что шерифы не оказались бы на безлюдном пляже безоружными, скорее всего, пришло им в голову.

– О-о-о, шерифы, – наконец с легкой издевкой протянул стоявший в центре вожак, безошибочно опознаваемый по кобуре с пистолетом на поясе. – Какими судьбами на нашем пляже, шерифы? Ходили купаться, хей? Вдвоем, да? Хей, братья, кто-нибудь знает этих шерифов?

– Старый – Маркус Смайт, – охотно отозвался верзила с мачете, стоявший слева. – Обычно работает на востоке. Второго не знаю. Но мне нравятся его кроссовки... и размер у нас вроде один.

Вся пятерка была боса и наверняка прекрасно обходилась без обуви с самого детства, так что замечание вызвало одобрителные усмешки и поощрительное гуканье. Процедура прощупывания слабины мелкими бандитами была хорошо мне знакома по Кварталам Радости и изрядно наскучила. Эти сделали ошибку, подойдя так близко, но я не хотел начинать драку без отмашки шерифа. Он не прожил бы так долго, не будучи в силах справиться с местной шпаной.

– А с каких пор здешние пляжи стали землей «Кающихся черепов»? – полюбопытствовал Маркус. – Что, получили их в дар от «Полумесяцев»? Те, видать, рады-радешеньки, что вы ошиваетесь здесь по ночам?

Череп сразу погрустнели, вспомнив, видимо, как и зачем оказались в этом районе.

– Они не должны были нас видеть, – нервно облизав губы, зачастил здоровяк слева от вожака. – Никто не должен нас видеть, и шерифы – тем более.

Вожак колебался. Очевидно, что они не случайно забрели на территорию враждебной банды, и свидетели им не требовались. Но звезды шерифов меняли дело. Местные законники круты, и рассчитывать убить парочку из них без серьезного сопротивления не приходилось. А главное, само выживание шерифов как корпуса стало возможным благодаря старому как мир «око за око». Пусть они и гибли часто, но каждый причастный к их смертям рано или поздно уничтожался.

– Мы на земле «Полумесяцев», – продолжал нудеть подстрекатель. – На нас никто и не подумает.

Последний аргумент разрешил сомнения лидера, и тот едва заметно шевельнул пальцами правой руки, давая сигнал к атаке. Ну, начали. Вырвав мачете из рук качка справа, я начисто снес ему голову, после чего метнул тяжелый клинок в слишком осведомленного о личностях шерифов детину слева, пробив насквозь грудину. Но трое с ножами были уже близко, а жизнь на Мадагаскаре не располагала к тому, чтобы отвлекаться на павших в ходе боя. Все оказалось совсем несложно.

Я схватил ближайшего ко мне и резко швырнул на вожака. У того, как и у всех, в руке был здоровенный кинжал, раза в два больше того, что покоился в чехле у меня на поясе. Использовать пистолет лидер Черепов и не собирался – звуки стрельбы на чужой территории привлекли бы соперничающую банду. Главарь не успел среагировать на мой маневр, и его собрат напоролся на нож поясницей, издав глухой стон, после чего незамедлительно рухнул на землю. Грубо сработанное лезвие застряло где-то в кости, и, оставшись без холодного оружия, вожак все же схватился за кобуру. Я прыгнул на него, оттолкнувшись здоровой ногой, и нанес сокрушительный удар локтем в голову, прежде чем тот успел поднять руки для защиты. Раздавшийся звук был достаточно красноречив, и стало понятно, что атакующие остались без руководства.

Собственно, и сама атака подошла к концу. Не успело тело командира упасть на песок, как пятый бросился наутек по пляжу. Не знаю, каков он был в бою, но наверняка не затерялся бы на любых Олимпийских играх как выдающийся легкоатлет. Мне потребовалось с десяток прыжков, прежде чем я обрушился ему на спину и резко вывернул руку с зажатым в ней ножом, разом сломав конечность в паре мест. Он наверняка заорал бы, не вдави я его лицом в песок. Через секунду бандит отключился, и я обзрел поле боя.

С двумя пострадавшими от мачете я покончил сразу. Вожак был еще жив, но конвульсивные подергивания его тела не дали бы врачам оснований для оптимизма. Получивший нож в поясницу боец тихо скулил, пытаясь дотянуться до торчащего из спины орудия, и это было единственным, что его сейчас интересовало в этом мире.

Взвалив свою последнюю жертву на плечи, я вернулся к месту драки и бросил беднягу к ногам Маркуса, так и не успевшего принять участие в битве. Тот мельком взглянул на тяжело дышащее тело и поинтересовался:

– Ну и зачем он нам? Предлагаешь отвезти в больницу?

– Думал, тебе интересно, что они здесь делают, – предположил я. – А заодно не ждали ли эти джентльмены здесь кого. Например, нас.

– Да ладно, – фыркнул шериф. – Ну неужели люди, убившие протектора, прислали бы такие отбросы, да еще и почти безоружные. Что они здесь делают, мне неинтересно. У них

вражда с Полумесяцами длиною в сотню лет. Какие бы гадости эти уроды друг другу ни учинили – я только «за».

– Да будет так, – заключил я и свернул бессознательному пленнику шею.

Маркус поморщился, но ничего не сказал. Последний выживший, увидев постигшую собрата участь, бросил попытки освободиться от торчащего из спины ножа и пополз в сторону деревьев.

– Может, и ты поучаствуешь? – с издевкой спросил я старика. Мне не нравилась роль чистильщика, а тому не мешало бы внести свой вклад в происходящее.

– Я шериф, – пробормотал тот, не глядя мне в глаза, и стал возиться, завязывая мешок.

Догнав уползавшего, я выдернул клинок из его поясицы и пронзил сзади сердце, разом покончив со страданиями бедняги.

– Кхм... – Законник за моей спиной прокашлялся и извиняющимся тоном сказал: – Головы. Полумесяцы всегда рубят врагам головы.

Я посмотрел на него, не веря своим ушам, и молча протянул трофейный нож. Шериф не сделал попытки притронуться к нему, и я зашвырнул оружие далеко в океан. Никакого желания пачкаться, чтобы имитировать разборки банд, я не испытывал. Кроме того, мы находились на пляже Полумесяцев, и, найди они тела, уж как-нибудь сообразили, что это не их собственных рук дело. Кого еще могла заинтересовать смерть пяти бандитов мелкого пошиба, мне в голову не приходило.

Зайдя в море, я прополоскал футболку от крови. Это не заняло много времени – ткань ничего не впитывала. Отжав ее, я прицепил на пояс кобуру с пистолетом и, поколебавшись, прикрепил на грудь значок, наспех смастеренный гвардейцами по образцу жетона Маркуса. Может, специалист и заметил бы разницу, но, по мне, символы власти были идентичны.

Старик наблюдал за моими действиями с понятным неодобрением. Значок был фальшивкой, а для шерифов их символ почти священен. К тому же все законники знали друг друга в лицо, и появление новичка не могло остаться незамеченным. Но их оставалось всего несколько сотен на двадцать миллионов жителей острова, так что шанс встретить коллегу за пару дней был невелик. Гордо поблескивая своими звездами, мы нырнули в теплую мадагаскарскую ночь.

[Купить полную версию книги](#)